Сп
2425
9183
017742

V 449/695

Надежда Санжарь

ПО-СВОЕМУ

ДРАМА

Драмат. цензурой къ представленію дозволено безусловно. Спб. 2 ноября 1910 г.

Москва—1916

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
738650

Москва—1916.
ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА.
Петровка, д. 26. Тел. 1-31-34.

ПО-СВОЕМУ

ДРАМА

ЛИСТОВ
6

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Нолинъ, Николай Арсеньевичъ.
Нолина, Людмила Александровна.
Зоя, Катя } ихъ дочери.
Баронъ Тилле, женихъ Зои.
Наташа, подруга Кати.
Гриша, женихъ Кати.
Графъ Карпинскій.
Лось.
Шмидтъ.
Криницкій.
Томилинъ.
Шварцъ.
Новиковъ, докторъ.
Петрова, учительница.
Левинъ.

Сестра милосердія.

Горничная, Петръ } прислуга въ домѣ Кати.

Савелій, Иванъ, Агаша } прислуга въ домѣ Нолиныхъ.

Гости.

Дѣти.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

(Квартира Нолина. Часть гостиной, соединенной широкой аркой съ столовой. Богатая обстановка, много цвѣтовъ. За столомъ изыскано одѣтое общество кончаетъ обѣдъ. Нолинъ, съ помощью лакея, несущаго за нимъ корзину цвѣтовъ, обходитъ гостей, поднося цвѣты дамамъ).

Нолинъ. Mesdames, Богъ одинъ знаетъ съ какимъ трудомъ мнѣ удалось добыть эти цвѣты.

Возгласы дамъ: Мерси!—Мерси!—Какая прелесть! Орхидеи! Теперь не время орхидей!—Гдѣ вы достали ихъ?

Нолинъ. О, это мой секретъ. Главное, чтобы онѣ вамъ нравились.

Возгласы дамъ: О, да!—Очень любезно!—Цвѣты прелестны!—Очень мило!— Мерси!— Мерси! (Лакей разливаетъ шампанское).

Нолинъ (возвращаясь на свое мѣсто). А теперь, дорогіе друзья, позвольте сообщить вамъ семейную радость: наша дочь Зоя отдала свою руку, а съ ней, навѣрно, и сердце нашему уважаемому барону Тилле. (Гости бурно выражаютъ

радость. Встаютъ, чокаются бокалами, поздравляютъ).

Нолинъ. Вотъ тотъ сюрпризъ, который я вамъ обѣщалъ. Теперь милости прошу въ угловую гостиную, тамъ насъ ждетъ кофе и такъ далѣе, и такъ далѣе (смѣется). (Всѣ окружаютъ помолвленныхъ и выходятъ черезъ гостиную).

Баронъ Тилле (проходя съ Зоей). Моя прелестная невѣста сыграетъ намъ что-нибудь.

Нѣсколько голосовъ. О, да!—Конечно!—Мы просимъ!—Просимъ! (Всѣ прошли. Въ столовой убираютъ со стола. Доносится игра на роялѣ).

Савелій. Ну, вотъ барышню Зою просватали, теперь за Катей остановка.

Иванъ. Катя не засидится: умница, красавица—поискать. И добрая, къ каждому человѣку внимательная.

Савелій. Катю, должно, за Карпинскаго сосватаютъ, страсть увивается. Ну, что жъ, хоть и вдовый, но ничего, видный баринъ. И потомъ графъ и милліонщикъ—это никому не вредно.

Иванъ. Мальченка у него есть отъ первой жены—значитъ мачехой будетъ.

Агаша. Можетъ, будетъ, а можетъ, нѣтъ.

Савелій. Помели еще.

Агаша. Чего молоть, чай не слѣпая... видимъ.

Савелій. Что видимъ-то?

Агаша. Все. И чего вы, дяденька Савелій, мнѣ чипляетесь. Какъ все видно, а вы секреты строите. Глянь-ка, на кого похожа стала, бродитъ по дому сама не своя. Какъ наша генеральша не замѣчаетъ—просто удивительно. Не спроста изводится, попомните мое слово.

Иванъ. Блажь нашла, у господъ это случается. Почудитъ и перестанетъ.

Агаша. Нѣтъ, тутъ другое, есть на сердцѣ у нея что-то. Намедни подходитъ ко мнѣ, а я бѣлье разбираю. Присѣла. Разскажи, говоритъ, Агаша, какъ ты росла, что въ жизни видѣла? А сама блѣдная такая, разстроенная.

Иванъ. И меня разспрашивала.

Агаша. Вотъ, вотъ, обо всемъ чисто выпытываетъ. Не поймешь, къ чему и какъ.

Савелій. И сегодня, говоришь, ѣздила?

Агаша. Спроси Акима—мнѣ что? не выдумываю—что вижу, то и знаю.

Иванъ. Что же Акимъ?

Агаша. Велитъ, говоритъ, ѣхать въ самыя что ни на есть трущобы и ходитъ тамъ. Вертается какъ смерть бѣлая, зубы, говоритъ, стучатъ, глаза гнѣвные, смотрѣть на нее страшно. А чего серчаетъ, неизвѣстно. Съ попрошайками да босяками всякими разговоры ведетъ и деньги имъ возитъ. Да, дяденька Савелій, самъ Акимъ сказывалъ. А

то собрала на Покровкѣ за рундуками босую команду, Акима на углу оставила, чтобы не слѣдилъ, значитъ, украдкой—вотъ какъ было, да! А вернется домой, запрется и плачетъ, плачетъ. Генеральша съ барышней Зоей по гостямъ, да магазинамъ, а она изводится.

Иванъ. И чего, спрашивается, ей надо? (кричитъ) Петруха! гдѣ ты, братъ, застрялъ?

Савелій. Не кличь, онъ въ кабинетѣ. Пускай, сами справимся. Разомъ все хватимъ.

Агаша. Такія-то, братцы, дѣла. Даю голову на отсѣченіе, есть у Кати полюбовникъ на сторонѣ, есть! Можетъ, того и мучится.

Савелій. Довольно тебѣ языкомъ вертѣть, дѣлай свое и помалкивай. Лучше будетъ.

Иванъ. Я тоже думаю, Агаша, лучше.

Агаша. Ну, что жъ, и такъ можно. Я вѣдь промежъ себя, на перекресткахъ не трезвоню. (Молча убираютъ, накрываютъ столъ чистой скатертью и уходятъ. Входитъ Катя, медленно ходитъ по столовой, гостиной. Машинально нюхаетъ цвѣты въ вазахъ. Постояла передъ зеркаломъ, равнодушно въ себя всматриваясь. Подошла къ окну, откинула портьеры и застыла, смотря черезъ стекла въ сумерки надвигающагося вечера. Черезъ столовую пробѣгаетъ лакей. Входитъ графъ Карпинскій, заглядываетъ въ столовую и,

не найдя того, кого искалъ, выходитъ. Вошла Наташа, скользнула по гостинной).

Наташа. Странно, и тутъ нѣтъ. (Замѣтя Катю) Вотъ, гдѣ ты, Катя. (Катя не шелохнулась).

Наташа (подойдя къ ней). Можно подумать, что ты отъ меня прячешься. Катя, ты слышишь?

Катя (не поворачиваясь). Слышу. Не успѣла запереть свою комнату, тамъ расположились дамы.

Наташа. Ты избѣгаешь меня, я вижу.

Катя. Что ты отъ меня хочешь?

Наташа. Поговорить намъ надо.

Катя. Нашла время.

Наташа. А когда? Тебя послѣднее время постоянно нѣтъ дома. А мнѣ надо спѣшить. Я въ подозрѣніи, за мной слѣдятъ, придется перейти на нелегальное положеніе, а то и уѣхать. Не знаю, когда придется намъ говорить. Такъ почему ты отъ меня прячешься? Ахъ, Катя, какъ ты огорчаешь меня. Не думала, что между нами можетъ быть такое.

Катя. Какъ ты не понимаешь,—разныя мы.

Наташа. А раньше? Подумай, мы дружны съ дѣтства.

Катя. Раньше? Я была слѣпая—шла куда вы меня вели. А теперь зрячая, иду, куда ведетъ мой разумъ, мое сердце. Мы разныя.

Наташа. Не понимаю, не понимаю, какъ могло

случиться, что ты, наша Катя, стала такая чужая и непонятная. Куда все дѣлось... Прячешься, какъ отъ враговъ. Что ты дѣлаешь съ собой и Гришей, онъ обезумѣлъ отъ горя. Ты отказала ему?

Катя. Да.

Наташа. Что за нелѣпость? Вѣдь ты любишь, любишь его.

Катя. Да.

Наташа. Нѣтъ, Катя, такъ невозможно. И почему? (всматривается въ нее). Какъ ты измѣнилась... Катя, Катюшка, милая моя, родная, что случилось? Почему гонишь любимаго и любящаго тебя человѣка, гонишь наканунѣ вашей свадьбы? Это безуміе, опомнись!

Катя. Такъ надо. Я рѣшила, отказываюсь отъ личнаго счастья, слышите, не хочу его!

Наташа. Отказаться отъ брака съ Карпинскимъ, уйти отъ обывательскаго, пошлаго счастья—это я понимаю. Но Гриша...

Катя (занятая своимъ). Гриша сказка, Гриша не можетъ жить безъ неба. Какъ онъ любитъ, какъ понимаетъ небо,—каждая звѣздочка у него живетъ! Сказка, сказка... Онъ все время тянетъ, тянетъ меня къ небу, а я... я не могу оторваться отъ земли. (Кричитъ). Нѣтъ, нѣтъ, не надо, не хочу неба! Если небо не всѣмъ доступно, если

звѣзды горятъ, трепещутъ не для всѣхъ, и мнѣ не надо! Не надо, говорю вамъ, нѣтъ!

Наташа. Катя, милая, что ты, опомнись! Скажи какъ другу, скажи мнѣ, ничего не тая, что съ тобою? Вспомни, какъ прежде...

Катя. Ахъ, у меня столько на сердцѣ накипѣло... Наташа, меня гнететъ, бѣситъ, возмущаетъ наша жизнь. Я не могу людямъ простить ихъ страшной, волчьей жизни. Боже мой, Боже мой... говорятъ, пишутъ прекрасныя, благородныя слова и, куда не взглянешь—всюду волки, волки, волки! (Доносится пѣніе и веселые возгласы). И они тѣснятъ, травятъ, грызутъ другъ друга, и на слезахъ, крови, костяхъ другихъ строятъ для себя и своихъ волчатъ веселый, безконечный праздникъ—это у насъ называется счастіемъ. Слышишь, веселятся счастливые люди. Бѣжать, бѣжать надо отъ такого страшнаго волчьяго счастья!

Наташа. Ты и уходи, тутъ безнаказанно жить нельзя. Ты не ихъ дочь.

Катя. Да, да, не ихъ. Я выродокъ, я чужая, я врагъ всему, что имъ дорого. И они не видятъ. Они спокойны. Увѣрены, что изготовили дѣтей, по своему образу и подобію; убѣждены, что вколотили въ насъ свои идеалы. Имъ и въ голову не приходитъ, что я другая, что у меня есть моя

жизнь, есть какія-то иныя требованія, чувства, привязанности.

Наташа. Вотъ и живи своимъ. Будь довольна, что тебя во-время растолкали, что ты могла проснуться, что не осталась на вѣкъ глупой, безсмысленно счастливой куклой, годной только въ наложницы богатому развратнику. Будь довольна. А сестра твоя, какъ человѣкъ, погибла: сладко убаюкали, крѣпко, на вѣкъ.

Катя. Боже мой, что они изъ насъ дѣлаютъ!

Наташа. Не давайся, борись, спасайся бѣгствомъ. И не вали въ одну кучу и ихъ, и насъ. Мы съ Гришей, правда, были съ ними, также считали это счастьемъ... А теперь, ты знаешь, какая между ними и нами пропасть. Ты хотѣла итти съ нами и дальше, хотѣла уйти изъ этого, какъ ты образно выражаешься, «волчьяго дома», къ любимому другу, хотѣла стать его женой, начать съ нимъ новую, человѣческую жизнь. Что стало между тобой и Гришей?

Катя. Жизнь, Наташа, наша людская жизнь. Все она у меня отравила, все оскорбила... Наташа, пойми хоть ты, Гриша мучается и не понимаетъ.

Наташа. Объясни, растолкуй. Ты мучаешься, Гриша—потерянный отъ горя. Я, глядя на

васъ, мѣста себѣ не нахожу. Не знаю, чѣмъ вамъ помочь.

Катя. Видишь, когда я увидѣла жизнь тѣхъ, на окраинахъ, поняла, какъ тамъ живутъ, какъ гибнутъ люди, я чуть не сошла съ ума. Сознаніе, что я могла прожить всю жизнь, не зная этого, что родительская любовь и прекрасное воспитаніе такъ меня искалѣчили, что я могла не понимать, что вижу—эта мысль до сихъ поръ наполняетъ меня всю ужасомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я прозрѣла, я не живу, а мучаюсь: я не могу съ этимъ помириться, не хочу этого терпѣть. Вся моя личная, эгоистичная жизнь куда-то отодвинулась, стала далекой, стала не важной, я не могу больше ни думать, ни жить для себя. Я стала вся другая. Кажется, все, что люди совершили гадкаго, подлаго, легло мнѣ на совѣсть и давитъ, мучаетъ, требуетъ расплаты за все, за все.

Наташа. Бѣдная, Катя, милая, чуткая дѣвочка! Не даромъ я всегда боялась за тебя. У тебя все въ большихъ размѣрахъ. Ты больна, Катя.

Катя. Да, да, Наташа, я больна. Я заразилась мучительной, неизлечимой болѣзнью: имя ей жалость. Я горю безумной, ненасытной жалостью ко всему слабому, обездоленному, несчастному, больному. Ахъ, если бы у меня были большія, большія, сильныя руки, чтобы я могла ими всѣхъ

обнять, утѣшить! И такъ обнять, какъ люди никогда другъ друга не обнимаютъ, такъ приласкать, порадовать, какъ никогда не ласкаютъ, не радуютъ. А у меня, видишь, маленькія, безсильныя руки — о, какъ я страдаю отъ моего безсилія! Силу, силу надо моимъ рукамъ! Наташа, гдѣ мнѣ такую силу найти?

Наташа. Ты спрашиваешь? Катя, Катя, развѣ не видишь? Что же это такое... Что съ тобой сдѣлалось?

Катя. Постой, я вижу, какая кипитъ борьба, какъ люди хотятъ радости, доли и для тѣхъ, кто гибнетъ отъ тьмы, тяжкой работы, нищеты, водки. Вижу—люди идутъ, борятся, ложатся костьми за жизнь, достойную человѣка. А я не знаю, что мнѣ дѣлать, куда итти, какъ, если надо, отдать мою жизнь...

Наташа. Иди къ намъ, помогай. Дай *имъ* твои руки, слей съ ними гнѣвъ твоего возмущеннаго сердца—тамъ твои руки найдутъ силу, *тамъ*.

Катя. Ты все о своемъ.

Наташа. Да, о своемъ. Я вижу разрѣшеніе этихъ проклятыхъ вопросовъ политическимъ путемъ. Этотъ путь измѣнитъ наши соціальныя условія, освободитъ людей отъ рабства капитала, принесетъ радость, лучшую долю для всѣхъ; туда иди, тамъ ты нужна. Въ тебѣ, Катя, скрыта сила

и большая! Грѣхъ, если ты истратишь ее не такъ, не на то.

Катя. Перестань, Наташа, довольно! Говорю тебѣ: не могу! Не мой путь политика. Я буду вамъ скорѣй вредна, я не смогу, какъ вы, бороться. Да, да, у меня нѣтъ ненависти къ врагамъ, которыхъ, ради побѣды, надо тѣснить, гнать, истреблять.

Наташа. Другого пути нѣтъ: никакія слова и убѣжденія не дѣйствуютъ. Надо хватать за шиворотъ, тѣснить, вынуждать—иначе никогда этому конца не будетъ.

Катя. А мнѣ ихъ жалко, они несчастные. Я не умѣю ненавидѣть. Я не могла бы пролить крови другого человѣка, я имѣю право только на свою собственную жизнь; только мою кровь я могу пролить, какъ мнѣ угодно—и ни чью больше.

Наташа. Нашихъ съ тобой враговъ заставитъ сдаться только физическая сила, запомни разъ навсегда—и ничто больше!

Катя. Я не говорю вамъ: не боритесь такъ. Это ваше дѣло. Я васъ не трогаю, ничему не учу, никуда не тащу. Дѣлайте ваше дѣло, какъ находите нужнымъ, боритесь, какъ можете. Да я-то не могу, поймите это. Оставьте меня, я найду мою дорогу. Какъ же мы сговоримся? Подумай,

Гриша упорно зоветъ меня къ радостямъ любви, къ счастью материнства—да что же это такое?!

Наташа. Ты съ ума сходишь. Какое въ этомъ преступленіе, какое?

Катя. Молчите, уйдите, если не видите. Я вся другая, слѣпой прозрѣлъ—какъ вы не понимаете! Перестаньте преслѣдовать меня заботами, совѣтами. Вы-то меня хоть не мучьте.

Наташа (чуть не плача). Не говори такъ со мной, Катя, не говори. Мы за тебя измучились, любимъ, не знаемъ, какъ тебѣ помочь. Ты заблудилась, растерялась, не туда идешь, не то дѣлаешь.

Катя. Опять сначала. Да пойми же, не хочу я счастья, когда кругомъ несчастные. Не хочу раздваиваться, жить въ разрѣзъ съ моими словами и убѣжденіями. Не хочу дрожать за каждую каплю своего личнаго счастья, ради этого счастья поступаться, кривить душой, тѣснить другихъ—да нѣтъ же, говорю вамъ, нѣтъ! Зачѣмъ мнѣ родить дѣтей: и безъ моихъ дѣтей людей калѣчится, страдаетъ слишкомъ даже много. Не будетъ этого! Не надо счастья, не надо радости, если они существуютъ не для всѣхъ!

Наташа. Страшное не измѣнится оттого, что ты искалѣчишь жизнь и себѣ, и другому. Тутъ другое надо.

Катя. Вѣришь въ это другое—вѣрь. А меня

не успокаиваетъ сознаніе, что тѣмъ, на окраинахъ, *когда-то* будетъ лучше. Я сейчасъ не могу этого видѣть, не хочу терпѣть. Работайте для будущаго, а я хочу помочь ихъ горю, не откладывая, немедленно.

Наташа. Это называется колотиться головой объ стѣнку. Ничего ты одна не сдѣлаешь. Все, что ты дашь людямъ даже цѣной всей твоей жизни, въ массѣ бѣдствій будетъ капля въ морѣ.

Катя. Прекрасно! Вотъ, я хочу дать эту каплю немедленно, дать, какъ смогу. Для этого не жалко жизни.

Наташа. Надо разумно отдавать свою жизнь.

Катя. А мнѣ хочется среди вашего разумнаго сойти съ ума. Кончимъ, Наташа, я тоже вѣрю въ человѣка, вѣрю въ побѣду человѣка надъ одолѣвшимъ его звѣремъ и не признаю вашей монополіи на пути къ этой побѣдѣ. Не бѣда, что люди идутъ разно,—главное, чтобы шли, а не теряли силы въ пререканіяхъ, какъ надо да какъ лучше. Я такъ иду, капли тоже нужны. Скажи Гришѣ, пусть перестанетъ горевать. Скажи, пусть придетъ ко мнѣ иначе, мы будемъ искать радости, счастья въ другомъ, совсѣмъ въ другомъ.

Наташа. Онъ проситъ передать тебѣ...

Нолина (входя). А, подруги вмѣстѣ и по обыкновенію шушукаются. (Звонитъ прислугѣ). Гово-

рите, говорите, когда и говорить, когда и вольничать. А повыходите замужъ, другіе начнутся разговоры, совсѣмъ другіе. (Входитъ Савелій). Вотъ что, Савелій, надо раскрыть столы для картъ, и пришлите въ кабинетъ еще бутылки двѣ ликеру.

Савелій. Слушаю.

Нолина. А знаете, Савелій, мнѣ нашъ новый лакей совсѣмъ не нравится. Что за безобразіе, вы видѣли, онъ чуть-чуть не наступилъ на платье баронессы.

Савелій. Его окликнули, а онъ, ваше превосходительство, извѣстно, растерялся.

Нолина. Это не оправданіе. А вчера, Богъ знаетъ что... Подалъ Николаю Арсеньичу башмаки—одинъ съ лакированнымъ носкомъ, а другой —нѣтъ. Какъ вамъ это нравится? Тотъ спѣшилъ, не замѣтилъ, подумайте, въ такомъ видѣ на раутъ къ Бѣльскимъ. Такой неаккуратности я не могу допустить въ моемъ домѣ. И держится онъ не хорошо, одѣвается неопрятно—какъ вы не присмотрѣли: у него на фракѣ пятна. Надо замѣнить его болѣе подходящимъ. И не откладывая.

Савелій. Слушаю.

Нолина. Больше ничего, идите. (Савелій уходитъ.—Подходитъ къ подругамъ). Да, дѣти мои, —замужество не шутка. Ахъ, начинается для матери страдная пора. Наташа, у тебя хорошій вкусъ, ты должна намъ помочь съ приданымъ.

Наташа. Мой вкусъ, Людмила Александровна, испортился.

Нолина. Глупости, глупости... и слышать не хочу. Бѣлье мы выбрали, а съ обстановкой просто горе: хотѣлось что-нибудь новое, а у насъ все такъ шаблонно, такъ шаблонно. Главное, никакъ не можемъ выбрать гостинную, можетъ, ты посовѣтуешь, Наташа, а? Будуаръ есть, баронъ придумалъ, у него оказался настоящій художественный вкусъ—это очень пріятно въ мужѣ. Представьте, весь будуаръ цвѣта спѣлыхъ банановъ, отдѣланъ свѣтло-сѣрымъ мѣхомъ. Мебель съ мѣхомъ ново и оригинально. Эта идея привьется,— я убѣждена, Зоинъ будуаръ будетъ имѣть большой успѣхъ, вотъ увидите! (Взглянувъ на Катю). Какъ ты сегодня, милая, блѣдна!.. Наташа, что мнѣ съ ней дѣлать, смотри, какъ похудѣла, подурнѣла, злится, точно старая дѣва. Казалось бы, нечего: претендентовъ на ея руку хоть отбавляй. Да, Катя, ты видѣла графа Карпинскаго? Онъ тебя искалъ...

Нолинъ (вбѣгая). Людмила! Катя! Нѣтъ, это не возможно! Когда надо—васъ не найти. Полонъ домъ гостей, а онѣ, извольте видѣть... Катя, ты начинаешь меня не на шутку раздражать, тебя

нигдѣ не видно, всѣ спрашиваютъ—такъ неудобно... Супруга, у меня къ вамъ секретъ. Да, чуть не забылъ, скажите, розы и персики въ домѣ есть?

Нолина. Найдутся. А что? (Идетъ къ мужу, онъ беретъ ее подъ руку, и они уходятъ черезъ столовую, тихо разговаривая).

Катя (смотритъ имъ во слѣдъ). Поблѣднѣла, похудѣла, подурнѣла... родители рѣшили, пора замужъ—какъ просто! А что, Наташа, если взять, да разсказать имъ все, все?..

Наташа. Брось! Испуганные, растерянные, они будутъ смотрѣть на тебя во всѣ глаза, и твои слова будутъ казаться имъ словами человѣка съ какой-то другой планеты. Не трать ни времени, ни силъ—ихъ не передѣлаешь. Лучше уходи.

Карпинскій (входя). Пардонъ, mesdames, не помѣшалъ я?

Наташа. Пожалуйста, графъ.

Карпинскій. Mercі. Здравствуйте, Наталья Дмитріевна! Я васъ не узналъ было.

Наташа. Богатой буду.

Карпинскій. Серьезно. Вы какъ-то измѣнились. Впрочемъ, послѣднее время васъ нигдѣ не видно... А я васъ, Екатерина Николаевна, давно ищу: мнѣ надо сказать вамъ...

Катя. Не надо, графъ, не надо! Перенесите ваше вниманіе на другую женщину—нашему браку

не бывать. Я другая, не та, что вы думаете, совсѣмъ не та.

Карпинскій (растерянно). Я не понимаю васъ... Ваша матушка только что сказала мнѣ...

Катя (перебивая). У меня нѣтъ матери! Женщина, на глазахъ которой, и уже давно, мечется, истекаетъ кровью дочь, а она, занятая веселымъ безконечнымъ пикникомъ, объ этомъ не подозрѣваетъ, ея глаза не видятъ, сердце не чуетъ—такая мать не мать!

Карпинскій. Что вы говорите, успокойтесь! (Слышны приближающіеся голоса и смѣхъ).

Катя. Спасибо, графъ, вода мнѣ не поможетъ.

Карпинскій. Екатерина Николаевна, я прошу, возьмите себя въ руки... Сюда идутъ. (Входитъ баронъ Тилле, окруженный дамами. Всѣ смѣются).

Дама въ бѣломъ (къ Карпинскому). Ахъ, графъ, что баронъ придумалъ! (общій смѣхъ).

Зоя (къ барону). Говорите, что?

Тилле. Прежде всего, моя очаровательная невѣста, льду, какъ можно больше льду. (Всѣ хохочутъ).

Зоя. Потомъ?

Тилле. Персики, предпочтительно съ большимъ румянцемъ. Затѣмъ розъ, не очень распустившихся и, главное, душистыхъ. Замѣтьте, щам-

панское и коньякъ, какъ я сказалъ. Не перепутайте. Иной фирмы не годится—все испортитъ: тутъ, понимаете, все въ нюансахъ. (Всѣ смѣются).

Зоя. Помню, помню. Дальше.

Тилле. Сахарной пудры чуть-чуть съ ванилью. Главное, мѣра, замѣтьте, чуть-чуть! Ароматъ ванили долженъ такъ ощущаться, какъ въ тихій, лѣтній день едва замѣтное дыханье вѣтерка.

Зоя (идя въ столовую). Сейчасъ распоряжусь.

Тилле. Главное забылъ. (Догоняетъ Зою и что-то ей шепчетъ. Зоя смѣется. Всѣ идутъ за ними въ столовую. Нѣсколько дамъ окружаютъ Карпинскаго).

Дама въ желтомъ. Идемте, графъ, очень любопытно—баронъ курьезный человѣкъ.

Дама въ бѣломъ. Представьте, персики поджарить, какъ шашлыкъ, на коньякѣ... (Смѣются).

Дама въ красномъ. А лепестки розъ, чтобы поплавали семь минутъ въ шампанскомъ... Боже сохрани, не больше! (Смѣются).

Дама въ голубомъ. Потомъ, все это смѣшать съ кусочками льда величиной съ орѣхъ—Боже сохрани, не больше!.. (Смѣются).

Дама въ розовомъ. Затѣмъ, въ бокалъ положить ложку сахарной пудры чуть-чуть съ ванилью и... (отъ смѣха не можетъ говорить).

Дама въ бѣломъ. Ни за что не угадаете.

Дама въ красномъ. Въ этомъ вся прелесть. (Всѣ, смѣясь, тащатъ Карпинскаго, говоря въ одинъ голосъ: Идемте... Идемте, графъ! Вы посмотрите, этотъ номеръ будетъ и вамъ по вкусу. Только взгляните, что онъ придумалъ! Вотъ умора! Идемте, жалѣть не будете).

Карпинскій (оглядываясь на Катю, даетъ себя увлечь. Въ столовой начинается несмолкаемый смѣхъ).

Наташа. Въ глупостяхъ и смѣхѣ—вся жизнь. Одно и то же, одно и то же!.. Какъ имъ не опротивѣло?

Катя (мечется). Я больше не могу, не могу ихъ видѣть! Идемъ, Наташа! Я ухожу изъ дома, сейчасъ ухожу, совсѣмъ, навсегда. Лучше напишу имъ, все напишу. Идемъ, а то мнѣ кричать, кричать хочется. (Быстро уходитъ. Наташа за ней).

(Изъ столовой несутся бѣшенные аплодисменты: Хорошо!—Дивно!—Браво!—Браво, баронъ!—Вы кудесникъ!—Браво!).

Занавѣсъ.

АКТЪ ВТОРОЙ.

(Квартира Кати. Красивый, весь бѣлый будуаръ. Кое-гдѣ средь бѣлаго прорѣзываются ярко красные: то бантъ, то брошенный небрежно вѣеръ, шарфъ; то тамъ, то сямъ разбросаны красные цвѣты. Полъ закрытъ краснымъ ковромъ. Сцена пуста. Доносится игра на рояли и пѣніе чего-то чрезвычайно бравурнаго, прерываемаго иногда неистовыми криками и аплодисментами).

Петръ (впускаетъ Наташу и Гришу. Наташа загримирована пожилой дамой). Еще разъ осмѣлюсь вамъ доложить, Катерина Николавна сегодня не принимаютъ никого. Мнѣ такъ приказано.

Наташа (пишетъ на карточкѣ). Вотъ, голубчикъ, передайте, — насъ примутъ.

Петръ. Передамъ. Только ничего не выйдетъ. Такъ приказали.

Наташа. Идите, посмотримъ. (Петръ уходитъ).

Гриша (съ ужасомъ). Наташа, она поетъ — Катя поетъ...

Наташа. Ты уйди, Гриша. Я лучше одна. Уйди, милый!

Гриша. Что же это такое? Наташа, тутъ есть отчего сойти съ ума.

Наташа. И зачѣмъ пришелъ? Прошу тебя уйди. (Пѣніе прекращается. Входитъ Катя чрезвычайно блѣдная, съ ярко-красными накрашенными губами. Бѣлоснѣжное платье подбито внизу узкимъ краснымъ воланомъ; когда ходитъ, платье развѣвается, красный воланъ становится шире; средь краснаго мелькаютъ ноги въ бѣлыхъ башмакахъ; волосы распущены, у самаго лица въ волосахъ прикрѣплена вѣтка красныхъ цвѣтовъ. Съ большими горящими глазами, обольстительная, кокетливая, взвинченная. Въ рукахъ вѣтка красныхъ цвѣтовъ. При ея входѣ Гриша вздрагиваетъ и прислоняется къ стѣнѣ, не спуская съ нея упорнаго, восторженнаго взгляда).

Катя (съ удивленіемъ смотритъ на даму). Наташа... гдѣ-же Наташа?

Наташа. Я, Катя, должна была загримироваться. Здравствуй!

Катя (бросаясь къ ней). Наташа, какъ я рада тебя видѣть!

Наташа (цѣлуясь). Годъ не видались. Видишь... какъ пришлось.

Катя. Тебя выпустили? Садись сюда. Такъ выпустили?

Наташа. Нѣтъ, бѣжала. Сегодня уѣзжаю за границу.

Катя. Какъ ты осунулась!

Наташа. Годъ тюрьмы не шутка. Обо мнѣ не стоитъ говорить, вырвалась, отдохну, буду и тамъ дѣлать свое. А ты... что ты, Катя, дѣлаешь!..

Катя. Я занимаюсь справедливымъ распредѣленіемъ капиталовъ, беру у тѣхъ, у кого ихъ много, и отдаю тѣмъ, у кого нѣтъ. Я даю людямъ много радости, цѣлыми пригоршнями я разбрасываю радость кругомъ... Выше, лучше этого я ничего не знаю! Приходилось-ли вамъ радовать людей такъ, чтобы они плакали и молились? Пусть будетъ благословенъ каждый, давшій землѣ такую радость! Радость, радость заливаетъ меня всю!.. Гриша, не смотри на меня такъ...

Наташа (хватаясь за голову). Ты можешь радоваться? Ты радуешься, теперь радуешься?

Катя (смотритъ то на Наташу, то на Гришу). Не спугивайте, не спугивайте мою радость.

Гриша (какъ подкошенный, опускается на стулъ).

Наташа (безнадежно опускаетъ голову).

Катя. (нѣкоторое время смотритъ на нихъ, потомъ встаетъ; холодно). Зачѣмъ вы пришли?

Ваша любовь, ваша преданность, безъ пониманія, *даютъ муки* и вамъ, и мнѣ. Не можете со мной радоваться, уйдите, похороните, забудьте меня.

Наташа. Я уѣзжаю, неизвѣстно когда увидимся, я спрашиваю...

Катя (перебивая). Я ничего не дѣлаю такого, что у насъ возбранялось-бы, не допускалось, пресѣкалось—живу, какъ живутъ многіе. Чего вамъ надо?

Наташа. Не будь жестокой. Гибель собаки нельзя видѣть равнодушно, хочется помочь, спасти, а тутъ на глазахъ человѣкъ гибнетъ, безумно, нелѣпо, безсмысленно — ты, Катя, гибнешь. Не требуй, мы не можемъ быть равнодушны.

Катя. Мы никогда не сговоримся, я всегда буду для васъ наивной, сумасшедшей, утописткой. Довольно, я такъ живу — значитъ, такъ надо.

Наташа. Такъ надо? Какой ужасъ! У меня волосы становятся дыбомъ при одной только мысли, что ты, благородная, скромная, наша честная Катя, вдругъ...

Катя. Да, да, вполнѣ сознательно торгую моимъ тѣломъ. Помирись, Наташа, съ фактомъ: въ этой лавочкѣ я продаюсь оптомъ и въ розницу — кому что требуется. Вы заставляете меня быть грубой.

Наташа. Какое чудовищное глумленіе надъ самимъ собою, какая отвратительная пытка. Тебѣ понадобился именно этотъ ужасъ?.. Катя, Катя, что ты съ собой дѣлаешь?!

Катя. Наташа... Гриша, поди сюда, сядь здѣсь. Слушайте, у меня нѣтъ болѣе преданныхъ друзей, чѣмъ вы. Я душу вамъ открываю до самаго дна, я вы не видите... слѣпые. Что мнѣ сдѣлать, какъ разсказать? Поймите, я хочу дать людямъ какъ можно больше радости. И, конечно, тѣмъ, кто ее никогда не видѣлъ. Это не благотворительность,—нѣтъ, нѣтъ!—Это мнѣ надо прежде всего для меня самой. Это меня какъ-то удовлетворяетъ, миритъ съ жизнью, даетъ смыслъ моему существованію—безъ этого мнѣ смерть. Ахъ, Боже мой, да вѣдь я все, все забываю, ничего не помню, когда вижу, что мои руки, вотъ эти руки, несутъ другимъ радость и жизнь. Я не виновата, что деньги такая страшная сила — да, да, съ деньгами можно творить чудеса: воскрешать умирающихъ, поднимать падшихъ, давать свѣтъ темнымъ, выводить на прямую, свѣтлую дорогу — а такая у насъ есть — выводить обреченныхъ на неминуемую гибель. Развѣ можно этого не жалѣть? Не дѣлать, когда можешь? Конечно, я стала добывать деньги всячески. Я

красивая, не глупая, имѣю таланты. Меня оцѣнили люди, указали золотое дно...

Гриша. За деньги, всю себя за деньги!?

Катя. Да, да, за деньги. Поймите, я убѣдилась: никакой талантъ, никакой геній, ничто не можетъ дать у насъ такихъ доходовъ, какъ развратъ. Не осуждайте меня, къ душамъ нашихъ многихъ, многихъ сильныхъ, богатыхъ людей нѣтъ иного пути, кромѣ наглаго, безстыднаго разврата. Меня вынуждаютъ такъ пріобрѣтать власть надъ человѣческой душой.

Наташа. Катя, Катя, замолчи!

Катя. Да, на безстыдство, на самый гнусный развратъ люди ничего не жалѣютъ. Если бы вы заглянули въ мою бухгалтерію, увидѣли цифры моихъ, по-истинѣ, сумасшедшихъ заработковъ— у васъ, можетъ, тоже стали бы волоса дыбомъ отъ того, что у насъ дѣлается.

Наташа (стонетъ). Такъ ты борись, борись...

Катя. Ихъ не передѣлать. Они будутъ у другихъ это искать, они другимъ женщинамъ отнесутъ свои души и деньги. Тѣмъ женщинамъ деньги нужны на глупости, мнѣ—нужнѣй. Я не отпускаю ни одного развратника, не взявъ отъ него все, что только можно. И они не жалѣютъ; о, меня хорошо оцѣнили знатоки, сами на меня установили безумную таксу. Они говорятъ, что

я даю имъ много радости, они не знаютъ, какъ меня... ха, ха, ха, какъ меня благодарить за все! Видите, какой обмѣнъ: однимъ продаю радость, другимъ отдаю ее безкорыстно. И тѣмъ и другимъ я отдаю, не жалѣя, сколько найдется, отъ души.

Наташа. Твое безкорыстіе ужасно. Да какъ, какъ ты смѣешь навязывать несчастнымъ людямъ такую страшную радость?! Если-бы они знали...

Катя. Тише, тише.. Пока деньги будутъ существовать, какъ страшная, чудодѣйственная сила, они всегда будутъ обрызганы позоромъ, преступленіемъ, кровью и слезами. Не мнѣ тебѣ это говорить, знаешь. Ужасъ, Наташа, не въ томъ, что одной проституткой стало больше—экая бѣда, а что у насъ такое подлое явленіе существовать можетъ.

Наташа (кричитъ). Такъ борись съ нимъ, борись!

Катя. Я и борюсь. У меня есть не одна женщина, которую я поставила на ноги, спасла отъ неминуемой дороги въ домъ терпимости.

Наташа. Это не борьба: ты подлому явленію сама служишь. Человѣкъ съ отчаянія можетъ на все рѣшиться, борьба за существованіе на многое толкаетъ. А добровольно топтать себя въ грязь, плевать на самое святое въ человѣкѣ—нѣтъ,

такого издѣвательства нельзя терпѣть. Тебя надо связать, запереть, какъ безумную!

Катя. Ха, ха, ха, какъ васъ моя торговля тѣломъ возмущаетъ, ужасаетъ! А съ тѣмъ, что проституція каждый день, ежеминутно, пожираетъ тысячи женщинъ и дѣтей—вы что же миритесь? Отчего не бѣжите спасать? Какъ можете ѣсть, спать, зная, какой ужасъ у васъ на глазахъ, подъ бокомъ, существуетъ? А... тѣхъ пускай, лишь-бы не близкихъ нашему сердцу... о, эта ваша убогая этика для своихъ и не своихъ! Лицемѣры! Себялюбцы! Трусы! Проституція—дитя нашего сердца, мы всѣ, всѣ ее создаемъ: одни тѣмъ, что насаждаютъ, поощряютъ, другіе—что мирятся и терпятъ. Мнѣ надоѣли ваши этическіе вопли. Съ моимъ спасеніемъ надо покончить разъ на всегда — меня спасти нельзя.

Наташа. Гриша, видишь, глухая стѣна. Вся съ головой вошла въ нелѣпость. Творитъ нелѣпость.

Катя. А вы отъ нея застрахованы? У насъ, куда ни сунься, прежде всего натолкнешься на нелѣпость. Ты, онъ, я, весь міръ! Мы всѣ копошимся въ нелѣпости. Почему надо брать готовую, вѣками сложившуюся? Нѣтъ, если у насъ нельзя обойтись безъ нелѣпости, я предпочту мою нелѣпость вашей. О вкусахъ, говорятъ, не спорятъ. Не спорь, Наташа, эта нелѣпость мнѣ больше по душѣ.

Наташа (растерянно). Что съ ней дѣлать, что дѣлать!?

Катя. Понять! Пойми еще это: кромѣ заработка меня потянуло въ проституцію мучительное, неодолимое желаніе раздѣлить страшную долю многихъ: насильно торговать своимъ тѣломъ — понимаешь, Наташа, насильно. Чѣмъ я лучше ихъ? Ихъ жизнь съѣдаетъ — пусть ѣстъ и меня. А вы надѣетесь, что у насъ когда нибудь будетъ лучше? Надѣйтесь и терпите, изо всѣхъ силъ терпите!

Наташа. Нѣтъ, будемъ бороться, но не такимъ чудовищнымъ способомъ! Будемъ негодовать, мучиться, когда у насъ на глазахъ человѣкъ совершаетъ такое... Радости единицъ не стоятъ, Катя, твоихъ мукъ и униженія. Будемъ пытаться остановить безумца, спасти... Молчи, это сумасшествіе, подлость! Должно быть у человѣка такое, чѣмъ онъ не долженъ поступаться никогда и ни за что! Иначе онъ не человѣкъ. Въ томъ, что ты дѣлаешь, много злости. Ты осатанѣла въ своей злости, не видишь, не понимаешь нашихъ за тебя мукъ.

Катя. Спасители! Вы серьезно начинаете меня бѣсить. Вонъ стоитъ одинъ спаситель (ука-

зываетъ на Гришу), теперь ты появилась, не за горами третій. Отецъ мой воспылалъ ко мнѣ особой родительской любовью, пишетъ мнѣ отчаянныя письма, умоляетъ опомниться, вернуться домой. Жду, вотъ-вотъ тоже придетъ тащить меня на путь истины. Да что-же это такое? Всѣ добываютъ деньги, чѣмъ-нибудь торгуя: умомъ, талантомъ, душей, тѣломъ—кто чѣмъ можетъ. Такъ заведено. Я дѣлаю, что у насъ можно, добываю деньги, какъ у насъ принято. Что-же вы ко мнѣ пристали, чего вы еще меня царапаете?

Наташа. Не говори такъ, жалѣемъ тебя, за тебя измучились. Посмотри, на кого Гриша сталъ похожъ. А я... я боюсь, моя голова не выдержитъ. Я многое шла тебѣ сказать и не то, совсѣмъ не то говорила. Катя, я умоляю тебя... нѣтъ, нѣтъ, не сердись, я понимаю, можетъ у человѣка закипѣть сердце... А ты, Катя, пожалѣй, пощади себя, укроти гнѣвъ. Что я говорю? Катя, не могу я вынести твоей никому не нужной гибели. Не то ты дѣлаешь, не такъ. Гдѣ слова, гдѣ сила, которая заставила-бы тебя очнуться?!

Катя. Не надо словъ. Пойми, Наташа, мою радость,—я своего добилась: у меня выросли большія, сильныя руки. Теперь я многихъ обнимаю, многихъ ласкаю, кормлю, лѣчу и многихъ, многихъ утѣшаю—такія удивительныя руки мнѣ дали деньги. Все равно, какъ я ихъ добыла, главное, сила у меня есть. Жадность къ деньгамъ у меня ненасытная, безграничная, какъ безгранична, ненасытна моя жалость къ обездоленнымъ. Нѣтъ жертвы, которую-бы я не принесла, нѣтъ муки, передъ которой я остановилась-бы ради того, чтобы сдѣлать мои руки еще длиннѣе, еще сильнѣе.

Наташа. Какая страшная, сумасшедшая сила!

Катя. Сила возмущенной человѣческой души. Кончимъ. Мало мнѣ всего, вы еще тутъ... Кто васъ проситъ меня спасать? А если я хочу страдать, хочу... самой ужасной пытки? Какъ вы не понимаете—теперь, среди нашей волчьей жизни, только одного хочется: быть распятымъ. Себялюбцы, лицемѣры, трусы, слышите, я хочу, чтобы меня распяли, чтобы мой крестъ заслонилъ мнѣ ужасъ, стыдъ, проклятье нашей жизни; чтобы гвозди глубоко вошли-бы въ мое тѣло и заглушили боль, тоску души; чтобы моя кровь и стоны не только-бы смѣшались съ кровью и стонами другихъ, но, слышите, ихъ покрыли. Наташа, если люди не разорвутъ меня, я сама себя распну: среди такой гадкой жизни я не могу жить иначе.

Наташа (цѣлуетъ Катѣ руки, голову, платье).

Безумная, удивительная Катя, прощай, я отступаю. Я пыталась оторвать тебя отъ твоего безумія, но у меня нѣтъ силы равной твоей. Я должна уйти отъ тебя и подальше, иначе—чувствую—подлѣ тебя можно сойти съ ума. Я забыла себя, мое дѣло, я день и ночь думала только о тебѣ, искала смысла и оправданія тому, что ты дѣлаешь, какъ себя изводишь? Я до того домучилась, что стала себя презирать за свое безсиліе, а тебя ненавидѣть. Прости меня, у меня нѣтъ силъ тебя спасти. Гриша не можетъ, куда-же мнѣ...

Катя (обнимая Наташу). Прощай, Наташа, иди своей дорогой, а я пойду моей. Такъ лучше.

Наташа. Объ одномъ прошу, не умирай безъ меня, позови (давится отъ слезъ). Обѣщай мнѣ, Катя, позови!

Катя. Хорошо, позову. Будь счастлива въ своемъ. До свиданія!

Наташа. До свиданія! Идемъ, Гриша, тутъ скала, намъ ее не сдвинуть.

Катя (утомленно). Да, да, скалу не сдвинуть. Иди съ ней, Гриша!

Гриша. Ступай, Наташа, я къ тебѣ зайду сейчасъ.

Наташа (еще разъ молча обнимаетъ Катю и выходитъ. Катя сидитъ, устало закрывъ глаза).

Гриша (подходятъ, кладетъ ея голову къ себѣ на плечо). Отдохни, Катя! Тебѣ пора отдохнуть, ты такъ устала. (Гладитъ ей голову).

Катя. Да, Гриша, я устала. А дѣла много, у меня большіе планы. Я хочу сдѣлать какъ можно больше, какъ можно больше. (Отдается его ласкѣ). Какъ хорошо! Опять твои руки. Разскажи мнѣ, какъ когда-то, о небѣ, покажи мнѣ звѣзды, я ихъ забыла, не замѣчаю больше.

Гриша. Катя, ты небо, ты полна яркихъ звѣздъ. Идемъ я, покажу тебѣ (подводитъ ее къ окну, отдергиваетъ шторы). Смотри, какое прекрасное, голубое и доброе, доброе небо, какія славныя звѣзды. Смотри, какая красота, величіе, щедрость... Это ты, въ тебѣ все это. Катя, зачѣмъ ты покрыла себя темными, страшными тучами, зачѣмъ твои звѣздочки померкли и плачутъ? Не надо, разгони скорѣй тучи, пусть опять горятъ, трепещутъ твои звѣзды, пусть несутъ красоту, свѣтъ, радость—только не такъ, не такъ, Катя! Очнись, родная, все, все брось! Возьми опять мои руки, мою любовь; и пойдемъ мы въ жизнь, какъ собирались, будемъ вить наше гнѣздо, пѣть наши пѣсни, покажемъ людямъ, что радость, счастье, любовь есть, на свѣтѣ. (Страстно обнимаетъ ее). Катя, какъ я люблю тебя, какъ изстрадался по тебѣ!

Катя (вздрагивая). Не буди меня... еще, еще разскажи о небѣ.

Гриша. Небо мое, моя яркая звѣздочка!

Катя (страдая). Не обо мнѣ, пожалуйста, не обо мнѣ. Говори, какъ тогда, о небѣ.

Гриша. Небо — ты! радость — ты! счастье — ты! Катя, Катя моя!.. (цѣлуетъ ее).

Катя (отбиваясь). Не хочу, не надо! Неба, тихого, чистаго, дай мнѣ опять такого неба.

Гриша. Оно въ насъ, въ тебѣ, во мнѣ, въ моей любви.

Катя. Неправда, это не то. Пусти!

Гриша (опять обнимая). Правда, Катя, правда! Идемъ со мной, клянусь, у насъ всегда будетъ небо: наша любовь тебѣ его дастъ. Идемъ въ нашъ домъ, здѣсь тебѣ не мѣсто.

Катя (рѣшительно освобождаясь). Разбудилъ! Некуда мнѣ итти, здѣсь мой домъ, здѣсь мое мѣсто. Та сказка кончилась, не принимаешь, не хочешь быть со мной въ новой моей сказкѣ — зачѣмъ тогда пришелъ? Уйди!

Гриша. Пощади, не могу безъ тебя жить: одурѣлъ, опустился, все растерялъ, гибну. Идемъ, будемъ дѣлать твою сказку иначе. Я буду помогать тебѣ. Я изнемогъ, а съ тобой опять найду себя, отдамъ твоей сказкѣ всѣ мои силы, душу, жизнь. Будь моей, люби, не отталкивай!

Катя (жесткимъ тономъ). Ты все о любви, о счастьѣ со мной лепечешь, ты женщину во мнѣ все еще любишь, тѣло мое тебѣ надобно.

Гриша. Не могу отдѣлить въ тебѣ тѣло. Люблю, какъ женщину, люблю тебя всю.

Катя. А я говорю, люби меня иначе. Подумай: всѣ, всѣ рабы своихъ страстей. А ты, мой Гриша, моя первая сказка, станешь высоко надъ всѣми, поборешь страсти, забудешь во мнѣ женщину, дашь мнѣ собою не самца—Гриша, ихъ такъ много, такъ много вокругъ меня! Будь другимъ, дай мнѣ собою друга—человѣка. Мнѣ его надо, не достаетъ, полюби меня такъ.

Гриша (сжимая руками голову). Ты требуешь, все время требуешь отъ меня невозможнаго. Я хотѣлъ, пытался, и не могу, не въ силахъ любить тебя иначе.

Катя. Надо. Иначе буду жестокая, буду безпощадная. Лучше оставь, уйди навсегда.

Гриша (цѣлуетъ ей руки, платье). Не могу, только такъ люблю, больше, сильнѣй, люблю, какъ женщину. Не уйду, ты меня любишь, ты не можешь, ты не въ силахъ забыть нашей сказки!

Катя (отъ внутренней борьбы сжимаетъ руки въ кулаки). Забыла! Нѣтъ нашей сказки!

Гриша. Лжешь! Твои глаза выдаютъ тебя. Не мучь себя, меня. Идемъ, все забудемъ, я ни-

Государственная БИБЛИОТЕКА СССР

чего не помню, не хочу знать: ты моя и меня одного любишь. Идемъ, ты хочешь забыть нашу сказку— никогда тебѣ этого не добиться, никогда!

Катя (съ ужасомъ). Ты вынуждаешь меня... Уйди!

Гриша. Довольно, наша сказка не можетъ исчезнуть!.. Идемъ, я не могу безъ тебя жить!

Катя (вздрагиваетъ, хватается за стулъ и грубо хохочетъ). Не можешь? такъ въ чемъ же дѣло? Мое тѣло можно купить. Только я, мой другъ, дешево не продаюсь.

Гриша (покачнулся, стонетъ какъ раненый).

Катя. Иди, покупай, бери! Псовъ вокругъ меня много—будь псомъ, если не можешь быть человѣкомъ. Давай деньги и получай!

Гриша (ошеломленный, убитый, шатаясь, идетъ къ двери. Пока онъ не вышелъ, она вызывающе хохочетъ. Когда онъ скрылся за дверью, она обрываетъ хохотъ и опускается, какъ подстрѣленная).

Катя. Ну вотъ, я оплевала нашу сказку (шепчетъ). Ты вынудилъ, ты вынудилъ, Гриша, я солгала, сказка твоя живетъ, живетъ. Надо ее вытравить, она мѣшаетъ. Презирай, ненавидь, только не стой у меня на дорогѣ, не мѣшай, уйди на вѣкъ. Такъ лучше... Боже мой, Боже мой, какъ я сдѣлала тебѣ больно, о, о, какъ больно! Проклинай, я заслужила. (Опускается на

полъ подлѣ кушетки и мечется отъ боли. Потомъ застываетъ въ отчаяніи).

Петръ (входя). Его сіятельство графъ Карпинскій желаютъ васъ видѣть.

Катя (очнувшись). Что, Петръ?

Петръ. Графъ Карпинскій пріѣхали, ждутъ.

Катя. Просите сюда.

Петръ. Слушаю (уходитъ).

Катя. Прощай, Гриша! Иди и ты своей дорогой, а я пойду моей. (Ложится спиной на полъ, красиво вытягивается, заложивъ руки за голову. На красномъ коврѣ рѣзко выдѣляется ея бѣлая, изящная фигура). Входитъ Карпинскій; увидя лежащую Катю, вздрагиваетъ.

Карпинскій (глухо). Катя...

Катя (не мѣняя положенія). Пожаловали? Характеръ у васъ есть: вы могли прожить безъ меня двѣ недѣли—удивительно!

Карпинскій (приближаясь, жадно глядя на Катю). Больше не могъ...

Катя. То-то. И охота вамъ со мной ссориться: у каждой женщины свои капризы. Купчую принесли?

Карпинскій. Видишь, Катя...

Катя (поднимаясь). Вы пришли безъ купчей?! Лучше не бѣсите меня, уходите. Я требую: вашъ

паркъ долженъ быть моимъ. Слышите? А не согласны, съ Богомъ, не смѣю удерживать.

Карпинскій. Возьми деньги, дамъ сколько захочешь, въ два, три раза больше стоимости парка. Подумай, паркъ прадѣда, я долженъ передать его сыну.

Катя (хохочетъ). Какія нѣжности, подумаешь! Меня занимаетъ тутъ другое. Въ нашемъ городѣ нѣтъ зелени,—кто не можетъ выѣхать на дачу, задыхаются въ пыли среди камня, да желѣза; негдѣ полежать на травѣ, подышать, порадоваться лѣту. А у васъ—подумайте, какая нелѣпость!—десять десятинъ прекраснаго, вѣкового парка только двумъ людямъ, да еще живущимъ въ немъ три-четыре мѣсяца въ году—вѣдь вы съ сыномъ больше живете за границей. Вы ограбили нашъ городъ, лишили его земли. Вы какъ собаки на сѣнѣ: и сами не пользуетесь, и другимъ не даете. Разрѣшаете, и то по особой рекомендаціи, осматривать вашу фамильную гордость. У, жадные! Волки! Волки! Уйдите, не бѣсите меня! Я денегъ и безъ васъ буду имѣть, сколько захочу. Слышите, тамъ, въ гостиной, визжатъ, давятъ другъ друга, стонутъ отъ желанія, чтобы я поскорѣй очистила ихъ карманы. Тамъ головы теряютъ поклонники моего тѣла, вкуса и темперамента, а въ такомъ миломъ состояніи, какъ вамъ хорошо извѣстно,

о деньгахъ, не думаютъ. Ха, ха, ха, угадайте, скряга, во что вчера обошлась Криницкому моя пляска одалиски—ну-ка, угадайте? (Карпинскій вздрагиваетъ). Я, правда, безумно люблю деньги, но я честная, я отдаю себя такъ, какъ ни одна проститутка вамъ себя не отдавала—ничего не жалѣю, я щедрая съ вами по-царски.

Карпинскій (страстно обнимая Катю). Прогони ихъ, всѣхъ прогони!

Катя. Паркъ пожалуйте, паркъ. А въ купчей должна быть поставлена, какъ я сказала, такая сумма запродажной, чтобы ваши родственники во вѣки вѣчные не смогли бы его выкупить, чтобы паркъ былъ навсегда мой, слышите! Иначе ничего не выйдетъ (бьетъ его цвѣткомъ по носу). Я, мой другъ, упряма, знаю, чего хочу. Прощайте-съ (идетъ къ двери).

Карпинскій (достаетъ изъ бокового кармана купчую). На, акула, на!

Катя. Торгашъ! Я вамъ этого никогда не забуду. Жаль стало парка... Не вы, такъ сынъ вашъ, навѣрно, спустилъ бы его на глупости. А я... Я хорошей цѣной расплачиваюсь за вашу фамильную гордость (смотритъ въ купчую). Такъ, все какъ надо. Дѣла Карпинскихъ мнѣ хорошо извѣстны, никогда имъ не вернуть парка, онъ мой, мой! Будемъ радоваться. Сегодня я въ особенномъ

ударѣ. Сегодня я угощу васъ особой пляской, буду справлять тризну... Сегодня я разорвала сердце, оплевала милую, милую сказку (съ бѣшенствомъ). Нѣтъ, такъ надо! У акулы не должно быть нѣжныхъ чувствъ. Чего молчите? Зовите всѣхъ сюда, будемъ радоваться.

Карпинскій. Не зови ихъ..

Катя. Мнѣ одного мало. Мнѣ надо мужчинъ много, со всего міра, безъ конца. У меня большое сердце, страсти моей на всѣхъ хватитъ. Я ненасытная, я жадная, какъ дьяволъ (отворяя дверь, зоветъ). Криницкій! Лось! Шмидтъ! Всѣ сюда, сюда ко мнѣ, мои очаровательные волки! (съ криками восторга вваливается толпа мужчинъ).

Голоса мужчинъ.—Наконецъ-то!—Ты насъ забыла! — Наша царица! — Волшебница! — Сатана въ юбкѣ! — Катя! — Катюша! — Красота! — Наша Катя!

Катя. Друзья мои, будемъ радоваться, устроимъ бенефисъ: буду плясать для всѣхъ безъ исключенья и такъ, чтобы адъ, глядя на наше веселье, сталъ намъ завидовать (восторженные, неистовые крики мужчинъ, переходящіе въ ревъ). Сегодня будетъ невиданная, неслыханная одалиска. Криницкій, помогать! (садится на столъ и протягиваетъ ноги. Криницкій опускается на колѣни и разстегиваетъ ей башмаки). Лось, разстегни платье! (Лось бросается помогать). Не спѣши, видишь волосы запутались. Приготовьте шарфъ, сегодня красный. (Всѣ бросаются къ шарфу и борятся за обладаніе имъ. Карпинскій съ яростью ихъ расталкиваетъ и овладѣваетъ шарфомъ).

Катя. Тише, тише, волки, не грызитесь, всѣмъ достанется—были бы только деньги! ха, ха, ха, кому что требуется: вамъ—пляска голой женщины,—мнѣ деньги! Обмѣнъ цѣнностей, ха, ха, ха! (Криницкій, снявъ башмаки, цѣлуетъ Катѣ ноги. Она его хлопаетъ по плечу). Охъ, Криницкій, не теряй головы, пригодится!..

Карпинскій. Къ чорту голову! Хочешь, какъ вчера, Катя, какъ вчера—согласна?

Катя. Сумасшедшій! Смотри: еще одна такая побѣда, и отъ тебя ничего не останется. Ахъ, мои милые волки, мнѣ надо много, много денегъ! Ха, ха, ха, а вамъ все равно кто: Маша, Берта или Адель очиститъ ваши карманы—лучше, давайте—я! Я обожаю деньги. За деньги я души моей не пожалѣю. Врешь, Карпинскій, въ любви за деньги я ненасытнѣй самой акулы, ха, ха, ха!..

Карпинскій (держитъ на готовѣ шарфъ. Всѣ нетерпѣливыми, жадно-похотливыми глазами впились въ раздѣвающуюся Катю. Столпились, застыли и ждутъ).

Занавѣсъ.

АКТЪ ТРЕТІЙ.

(Большая, свѣтлая комната въ домѣ Кати. Два письменныхъ стола, кушетка. Мебели мало. При поднятіи занавѣса Томилинъ и Шварцъ смѣются подавленнымъ смѣхомъ).

Шварцъ. Это... это чортъ, а не женщина.

Томилинъ (оглядываясь на дверь). Тише, дружище, тише... Тутъ разошедшійся во всю Ниловъ, натура-то у него, знаешь, купецкая, какъ гаркнетъ: Катенька, хочешь катеньку, т. е. сто рублей, за слово, только ругаться, матушка, какъ я тебѣ составлю, по моему, значитъ, рецепту, ха, ха, ха, вотъ какъ дѣло было (озирается на дверь).

Шварцъ (давясь отъ смѣха). Ну, а она?

Томилинъ. Тише... Она поднялась и молвитъ: «Ладно, купецъ, только ругаться, сколько захочу, значитъ, неограниченно». Понимаешь?

Шварцъ. Ха, ха, ха!..

Томилинъ. Ниловъ даже подпрыгнулъ отъ удовольствія. «Сдѣлай, говоритъ, одолженіе!

Сколько душенькѣ твоей захочется — мошна-то у насъ, слава Богу!

Шварцъ (озираясь на дверь). Ну, ну?

Томилинъ. Ниловъ пишетъ рецептъ. Она прочла, да какъ сплюнетъ. Ниловъ оретъ: «Что барыня, аль на попятный?»

Шварцъ. Ну, а она?

Томилинъ. Такимъ окинула его взглядомъ, что, ей-Богу, не одному мнѣ стало жутко. Королева!.. Приказала подать счеты, сунула ихъ въ руки Нилова, приказала слѣдить за нимъ, чтобы не сбился, закинула голову и... начала (оглядывается на дверь). Что это было: букетъ такихъ словечекъ... Поднялся содомъ... хохотали, визжали, стонали; иные плевались, требовали перестать, пытались перекричать ее. А она, не моргнувъ, спокойно, твердо, съ удивительной дикціей, отчеканивала самую отвратительную брань.

Шварцъ. Легендарная женщина! Дальше.

Томилинъ. Бранилась безъ передышки. Счеты щелкали. Всѣ притихли, лица поблѣднѣли отъ этого своеобразнаго спорта, всѣ впились въ руки Нилова, съ трескомъ отбивающаго цифры. Иногда она иронически спрашивала: «не довольно-ли? не заболѣли-ли у купца пальцы?» Закусившій удила Ниловъ оралъ: «Валяй, сударыня,

не безпокойся, выдержимъ: папенька-то намъ оставилъ десять милліончиковъ чистенькихъ».

Шварцъ. Ахъ, ахъ, невѣроятная вещь!

Томилинъ. Н-да, потѣшилъ компанію, нечего сказать. Остановились подъ утро, когда она окончательно охрипла.

Шварцъ. Ну?..

Томилинъ. Ну, раздѣлывала — отдай все, да мало!

Шварцъ. А Ниловъ?

Томилинъ. Съ характеромъ купецъ, не моргнувъ, подписалъ чекъ.

Шварцъ. Сколько?

Томилинъ. Не спрашивай, говорить страшно. Вотъ, послѣ этого представленія и взяли Нилова семейнымъ совѣтомъ въ опеку. Вотъ какъ дѣло было!

Шварцъ. Ну, дѣла, сроду такого экземпляра не видывалъ. (Оглядываясь на дверь). Ну, а какъ вы тутъ благоустройствомъ города занимались, ха, ха, ха, какъ взапуски бѣдняковъ, да проститутокъ спасали—а?

Томилинъ. Слыхалъ?

Шварцъ. Еще-бы! Чуть не на всю Европу нашумѣли. Благодѣтели, ха, ха, ха!

Томилинъ. Подумай, культура-то какая у насъ завелась! Лучшіе въ городѣ, по красотѣ и

солидности, дома, слушай: ночлежка для бѣдняковъ, потомъ столовая, двѣ тысячи каждый день кормятъ — шутка! больница — чуть не дворецъ. А пріюты всякіе, школа, библіотека. И замѣть, все безплатно, ха, ха, ха, именно взапуски культуру насаждали. И кто? Все кулаки, да человѣконенавистники. Съ ума посходили, всѣ изъ ея рукъ въ благодѣтели рода человѣческаго попали. Такъ и говорила имъ: «Милые мои, я не только о своихъ дѣлахъ забочусь, но и о вашихъ грѣшныхъ душахъ и день и ночь думаю. Пусть и ваши грѣшныя души доброму, человѣчному послужатъ; пусть подтвердятъ, что не всѣже люди ненавистные волки». Ну, и лѣзли изъ кожи, чтобы ей угодить. Подумай, чуть не отъ каждаго любовника презентъ городу для бѣдняковъ — ты соль-то, соль всей этой культуры и человѣколюбія понимаешь?

Шварцъ. Ядовитая женщина.

Томилинъ. Опомнилась, да поздно. Заставила все оформить, не какъ-нибудь; если бы кто и вздумалъ взять обратно свою доброту и человѣчность, выходитъ—нельзя, ха, ха, ха, все по закону, прочно, навсегда принадлежитъ бѣднякамъ нашего города. И замѣть, вездѣ доска и на ней, золотыми буквами, имя благодѣтеля — сколько

скандалу-то было! Но ничего нельзя подѣлать, стерпѣли, проглотили.

Шварцъ. Вотъ дьяволъ!

Томилинъ. Умна и зла, какъ чортъ, именно. Богатѣйшій паркъ Карпинскихъ подарила отъ имени графа городу, въ вѣчное пользованіе гражданъ, а въ фамильномъ графскомъ домѣ устроила пріютъ для бездомныхъ, брошенныхъ дѣтей. Ты думаешь спроста? Какъ-бы не такъ! Была тутъ исторія съ графомъ. Выгналъ онъ на улицу бонну своего сына, когда она была отъ него, отъ графа-то, беременна. Дѣвушка утопилась. Исторію, конечно, замяли. И вотъ она ему въ пику...

Шварцъ. Тсъ, идутъ. Непремѣнно ее надо привлечь къ нашему дѣлу.

Петръ (входя). Ничего, господинъ Томилинъ, не вышло. Какъ докладывалъ, Катерина Николаевна положительно не могутъ васъ принять. Всѣмъ отказываютъ.

Томилинъ. Да ты передалъ наши карточки?

Петръ. Передалъ. Сказали, какъ всегда, въ четвергъ. А сегодня не могутъ.

Томилинъ. Жаль. (Къ Шварцу). Ничего не подѣлаешь, придется въ четвергъ. (Къ Петру). Что это у васъ за перестановка? Такой былъ прекрасный, стильный кабинетъ.

Петръ. Перенесли его въ угловую. А здѣсь теперь рабочая комната. Тутъ много солнца, и Катерина Николаевна все тутъ занимаются.

Томилинъ. Жалко, угловая тѣсна. Ну, прощай, голубчикъ. Передай барынѣ, въ четвергъ будемъ.

Петръ (провожая ихъ). Слушаю. (Черезъ нѣкоторое время входитъ докторъ Новиковъ. Потомъ Катя, въ простомъ платьѣ, скромно причесанная, время отъ времени кашляетъ чахоточнымъ кашлемъ).

Катя (звонитъ). Однако, я заспалась, скоро часъ. Какой нахалъ этотъ Томилинъ (къ вошедшему Петру). Вы зачѣмъ провели ихъ сюда?

Петръ. Я провелъ въ гостиную. Господинъ Томилинъ сами прошли сюда, когда я ушелъ. Потомъ я ихъ по всему дому искалъ, думалъ, ушли. А они здѣсь.

Катя. Это на него похоже. Слышите, Петръ, сюда никого посторонняго не впускать, дверь заприте!

Петръ. Самое лучшее, я ужъ и то подумывалъ.

Катя. Нина Петровна пришла?

Петръ Никакъ нѣтъ.

Катя. Когда придетъ, скажите что я здѣсь.

Петръ. Слушаю (уходитъ).

(Катя садится за столъ. Новиковъ за другимъ столомъ разбираетъ бумаги).

Катя. Господи, сколько у насъ накопилось дѣла. Когда успѣемъ? (пишетъ).

Новиковъ (щелкая на счетахъ). Успѣемъ. Сегодня заканчиваю счета.

Катя. Отлично. (Оба сосредоточенно работаютъ).

Катя (вдругъ). Семенъ Ивановичъ, вы увѣрены, что мои легкія столько продержатся? Вы не должны меня обманывать, слышите?

Новиковъ. Вы опять?

Катя. Обманъ вѣдь входитъ въ этику врача.

Новиковъ. Повторяю, если не случится что-нибудь особенное, будете дѣлать, что надо, лѣкарство принимать аккуратно и... (запнулся).

Катя (нетерпѣливо). Хорошо, хорошо, буду жалѣть себя. И будетъ, какъ предполагаете?

Новиковъ. Надѣюсь.

Катя. Смотрите вы у меня.

Новиковъ (желая перемѣнить разговоръ). А у васъ какъ дѣла?

Катя. Нѣсколько дней работы, и проектъ «Школы людей» готовъ. Очень я рада. И хорошо я сдѣлала: какъ надо. Даже не вѣрится. Подумайте, осуществляется моя мечта (встаетъ). Когда я думаю о моей «школѣ людей», я забы-

ваю и мою чахотку и почти сосчитанные дни моего пребыванія на землѣ — все, все забываю. Я оживаю, кажется, у меня за плечами вырастаютъ крылья — о, я такъ счастлива! Спасибо, что помогли, не знаю, что-бы я безъ васъ и дѣлала.

Новиковъ. Удивительное дѣло, другіе-бы нашлись.

Катя. Не скромничайте, знаете, вѣдь, съ какимъ трудомъ я нашла васъ, Левина и Петрову. Замѣтьте, изъ трехсотъ тысячъ жителей нашего города, при неустанныхъ поискахъ, я выискала только троихъ людей.

Новиковъ. Немного. И потомъ, Катя, не забывайте, у каждаго изъ насъ какой нибудь клепки не хватаетъ.

Катя. Для моихъ сумасшедшихъ плановъ и люди такіе нужны... Фу, какъ отъ васъ опять коньякомъ...

Новиковъ (улыбаясь). Неужели опять?

Катя. Вы огорчаете меня. Зачѣмъ, зачѣмъ вы пьете?

Новиковъ. Благодарите Бога, что только пью, а не ворую (щелкаетъ на счетахъ). Иначе не имѣли-бы вы такихъ цифръ. Бросьте, Катя, берите меня такимъ, каковъ я есть: безъ коньяку намъ никакъ невозможно, — жизни конецъ. Да, конецъ, и вы не имѣли-бы у себя такого,

какъ вы любите выражаться, «замѣчательнаго друга». Посмотрите, чего мы съ вами натворили, полюбуйтесь, цифры-то, цифры красоты и краснорѣчія поразительнаго! Вы сверхъестественное существо, а я, служа вамъ безконечно, помогая вамъ въ этомъ, такомъ страшномъ, поступаю, какъ самый послѣдній, жалкій негодяй — вамъ не кажется это?

Катя. Бросьте, смотрите только въ корень: вы помогаете превращать зло въ добро.

Новиковъ. Пусть будетъ такъ. А потому — не говорите мнѣ больше о коньякѣ!

Катя. А когда меня не будетъ, бросите?

Новиковъ (молчитъ).

Катя. Скажите, обѣщайте мнѣ!

Новиковъ. Не знаю, можетъ быть.

Катя. Вы должны это сдѣлать. Вы должны еще и это сдѣлать, ради меня. Простите, что я васъ мучаю. Только вы должны, должны это сдѣлать.

Новиковъ. Не надо, Катя, перестаньте. Вы знаете хорошо, — если смогу, сдѣлаю.

Катя. Сдѣлаете, — ради меня и моей школы (смотритъ на часы). Странно, какъ сегодня опоздали мои дѣти. Вы были у нихъ?

Новиковъ. Былъ. Тамъ все хорошо. Большіе собирались въ паркъ, вамъ кланялись.

Катя. Семенъ Ивановичъ, милый, подумайте, у меня семьдесять душъ дѣтей и пятнадцать изъ нихъ уже ходятъ. Мои, мои дѣти! Больше всего на свѣтѣ я люблю дѣтей. И какъ меня огорчаютъ люди, какія у нихъ дикія правила, законы. Они гласятъ: надо любить, жалѣть, оберегать только тѣхъ, кого родили мы сами. Это звѣрство, такъ любятъ только звѣри. Это человѣческому сердцу не идетъ — какъ они не видятъ, не понимаютъ это! И никакъ имъ этого нельзя растолковать. Смотрятъ на меня, какъ на сумасшедшую. Неправда! Это они выродки, а у меня сердце человѣчье (слышны топотъ ногъ и сдержанные дѣтскіе голоса. Катя вся преображается, молодѣетъ). Пришли, пришли мои ребятки!

Петръ (отворяетъ дверь. Входятъ душъ пятнадцать дѣтей: они одѣты въ удобные темносиніе костюмы. Идутъ гуськомъ, одинъ за другимъ, стройно, въ ногу. Впереди дѣвочка, съ перевязанной черезъ плечо красной лентой. На лентѣ рожокъ. Она не громко трубитъ. Всѣ шутливымъ маршемъ, съ радостными лицами, точно на смотру, проходятъ мимо Кати и, завернувъ, выстраиваются передъ Катей въ рядъ, беря шутливо подъ козырекъ.

Дѣвочка съ лентой (рапортуя). Мама-Катя, въ твоемъ домѣ всѣ живы, здоровы и тебѣ кланяются.

Катя (съ просвѣтленнымъ лицомъ). Дѣти, мои славныя, милыя дѣти!

Дѣвочка съ лентой (махнувъ рукой). Вольно! Въ разсыпную!

(Дѣти съ радостными криками бросаются къ Катѣ и, перебивая другъ друга, говорятъ):

— Правда, мы хорошо маршировали?

— А подъ козырекъ вышло? Тебѣ понравилось, скажи?

— Мы по дорогѣ это придумали.

— Да, мама-Катя, у насъ новый мальчикъ.

— Сегодня принесли.

— Совсѣмъ маленькій.

— Тоже сирота.

— Уже улыбается, вотъ увидишь.

— Ни папы, ни мамы у него нѣтъ.

— Ты будешь ему тоже мама?

— Будь и ему мама—хорошо?

— Очень тебя просимъ.

— Такой маленькій, маленькій и смѣшной.

— Очень пищитъ.

— А ты все-таки будь ему мама.

— Мы просимъ.

— Просимъ!

— Просимъ!

— Просимъ!

Катя. Да, да, дѣти, конечно. Я и ему буду мама (встаетъ и достаетъ изъ ящика погремушку). Вотъ передайте ему мой первый подарочекъ. Кто у васъ сегодня дежурный?

Нѣсколько голосовъ вмѣстѣ. Соня вторая!—Соня вторая!—Соня вторая!

Дѣвочка съ лентой. Я, мама-Катя.

Катя. Вотъ, милая, передай игрушку твоему новому брату и... (смотритъ на нихъ, протягивая къ нимъ руки). Хватитъ ли у меня сегодня рукъ?

Нѣсколько голосовъ. Хватитъ! — Хватитъ!—Хватитъ! (Тѣснятся, подставляя головы такъ, чтобы она смогла всѣхъ обнять).

Одна дѣвочка. Я осталась. Мама-Катя, ты меня не захватила.

Катя (смѣясь). Рукъ не хватаетъ, вотъ горе-то!

Дѣвочка. Я тебѣ помогу (вскакиваетъ на кушетку и обнимаетъ Катю за шею). Теперь и я! Всѣ вмѣстѣ.

Катя. Дѣтки, мои славные ребятишки, будемъ радоваться.

Новиковъ (подходитъ, улыбаясь). А не нужны ли вамъ для радости мои руки? (обнимаетъ ихъ съ другой стороны. Дѣти тѣснятся, смѣются, пищатъ.

Катя. Вы отчего, безсовѣстные, сегодня опоздали? Скоро и уходить придется.

Дѣвочка съ лентой. Стойте! А главное-то мы и забыли. Она, навѣрно, обогрѣлась.

Нѣсколько голосовъ. Да! да!—Погоди, мама-Катя!—Мы тебѣ привезли гостя.

Катя (разжимая руки). Гостя? чего же вы молчите, давайте его сюда!

Дѣти. Сейчасъ!—Сейчасъ! (Часть убѣгаетъ и черезъ нѣкоторое время, съ криками восторга, ввозятъ на саняхъ снѣжную бабу. Петръ у дверей, улыбаясь, смотритъ).

Катя (отъ души радуясь). Вотъ такъ гость!

Мальчикъ. Правда, прелесть? Мы много надъ ней поработали.

Другой мальчикъ. Оттого и опоздали.

Дѣвочка. Ты кашляешь, вотъ мы ее и оставили въ передней, чтобы обогрѣлась. (Смѣются).

Мальчикъ. Мы также много катались на конькахъ и саняхъ.

Дѣвочка. Ахъ, мама-Катя, какъ хорошо на дворѣ, снѣгу много!

Дѣвочка съ лентой. Братцы, надо спѣшить, баба таетъ.

Всѣ кричатъ: Да!—Да!—Начнемъ!—Пора!—Стройся! (Берутся за руки въ хороводъ и поютъ, подпрыгивая въ тактъ пѣсни).

Снѣгъ идетъ! Снѣгъ идетъ!
Въ воздухѣ кружится.
Ну-те, дѣти, ну, живѣй
Будемъ веселиться.
Снѣгъ идетъ! Снѣгъ идетъ!
Бросьте плачъ и ссоры,
За работу и дружнѣй
Стройте бабы, горы.
Снѣгъ идетъ! Снѣгъ идетъ!
Сани доставайте
И друзей, да быстрѣй,
Съ горы покатайте.
Снѣгъ идетъ! Снѣгъ идетъ!
Въ воздухѣ кружится
Ну-те, дѣти, ну живѣй,
Будемъ веселиться.

Катя (хлопая въ ладоши). Браво-браво, мои ребятки! У васъ новая пѣсня, а я не знала.

Дѣвочка. Это тебѣ сюрпризъ. Нина Петровна сочинила, а мы потихоньку выучили.

Катя. Ахъ вы, плуты! Мнѣ пѣсенка нравится.

Мальчикъ. Намъ также.

Дѣвочка съ лентой. Мама-Катя, бабу рѣшено поставить у тебя подъ окномъ (смотритъ на часы). Ай, ай, что же мы, къ обѣду запоздаемъ! Скорѣй, братцы, вывозите бабу и бѣжать! Осторожнѣй (везутъ бабу). Да, тише же, а то развалится. Мама-Катя, вечеромъ придешь?

Мальчикъ (ласкаясь къ Катѣ). Непремѣнно приходи, безъ тебя у насъ жмурки не выходятъ. Съ тобой веселѣй. Придешь?

Дѣти (увозя бабу). До свиданія, мама-Катя!—До свиданія!—Мы тебя ждемъ!—Обязательно приходи!—Не обмани, смотри!—Мы будемъ тебя ждать!

Дѣвочка (подбѣгая къ Катѣ). И сказку приготовь, новую. Послѣ жмурокъ сказку. И самую страшную.

Мальчикъ (перебивая). Нѣтъ, лучше разскажи ту, что прошлый разъ говорила,—про людей-волковъ.

Нѣсколько голосовъ. Да!-Да! Лучше про волковъ!—До свиданія! Мы тебя ждемъ.

Катя (провожая ихъ). Приду, непремѣнно, приду. И жмурки и сказки, все будетъ. До свиданія, мои ребятки. (Дѣти уходятъ. Катя съ Новиковымъ идутъ къ окну).

Катя. Ну, развѣ они не прелесть?

Новиковъ. Удивительный народъ дѣти. Какъ они скоро отходятъ и осваиваются.

Катя. Мнѣ хотѣлось, чтобы имъ у насъ было тепло, тепло да радостно. Дѣти—чуткія, поняли, что нашли свой родной домъ,—нашъ домъ дол-

женъ быть для нихъ такимъ (машетъ платкомъ). Смотрите, развѣ они похожи на прежнихъ дикихъ, затравленныхъ заморышей? Погодите, ребятки, мы еще изъ васъ сдѣлаемъ недурныхъ людей.

Слышны крики: Ура! Ура! Ура!

Новиковъ. Готово. Баба стоитъ и ухмыляется прямо въ окно (машетъ рукой). Снялись, совсѣмъ, какъ стая птицъ,—смотрите, сколько слѣдовъ отъ ногъ.

Катя. Они мнѣ много даютъ радости. Когда я думаю, что мы сможемъ отнять у волковъ сотню-другую дѣтей и сдѣлать ихъ болѣе похожими на людей—о, тогда я счастлива безгранично (сильно кашляетъ).

Новиковъ (подаетъ ей лѣкарство).

Катя (пьетъ, виновато улыбаясь). Опять забыла. Это послѣдній разъ, вотъ увидите. Кажется, я слышу голоса Петровой и Левина.

Новиковъ. И мнѣ кажется. (Входятъ Петрова и Левинъ и спорятъ).

Петрова. Богъ знаетъ что, здоровье надо беречь!

Левинъ. Ничего ему не сдѣлается. Здравствуйте, друзья мои!

Новиковъ. Здорово, братъ (здороваются).

Катя. О чемъ вы?

Петрова. Оказывается, онъ и днюетъ и ночуетъ на постройкѣ. Посмотрите, на кого онъ сталъ похожъ!

Левинъ. Не бѣда, отдохну. Зато, какъ сказалъ, такъ и будетъ. Катя, дня черезъ три—четыре школу можно открыть. Пріюты готовы, мастерскія заканчиваются. Да, друзья мои, большущая побѣда: Гаринъ нашъ.

Новиковъ. Да ну? Это... это знаменательно!!

Левинъ. Еще бы! Приходитъ сегодня: осмотрѣлъ пріюты, главное—зданіе школы, мастерскія. Спрашиваетъ: такъ какъ будетъ? Я говорю: будемъ собирать въ пріюты сиротъ и брошенныхъ дѣтей, будемъ ставить ихъ въ такія-то и такія условія. Потомъ будемъ...

Петрова. Да не размазывайте, къ дѣлу.

Левинъ. Потомъ будемъ выбирать изъ нихъ самыхъ здоровыхъ, способныхъ, сильныхъ и изъ нихъ-то воспитывать людей. Маэстро улыбается. А когда я ему все разсказалъ, напомнилъ, чего можно достигнуть разумной культурой кроликовъ или капусты—такъ какъ же, чортъ возьми, не добиться чудесъ, имѣя дѣло съ такими гибкими, податливыми на все, такими воспріимчивыми и загадочными существами, какъ люди?! Я ему, Катя, выложилъ вашу систему довоспитанія людей до человѣка съ такимъ паѳосомъ и энергіей, что

у него разгорѣлись глаза. Дальше-больше, очень заинтересовался, поблѣднѣлъ даже отъ волненія.

Новиковъ. Художникъ въ немъ заговорилъ.

Левинъ. Именно. Вотъ подписанное условіе: вся художественная часть нашей школы за нимъ.

Катя. Чудесно, лучшаго художника намъ не найти. (Къ Левину). Такъ дня черезъ четыре, говорите?

Левинъ. Да, да, Катя, будетъ готово.

Катя. И все, совсѣмъ?

Левинъ. Совсѣмъ.

Катя (очень взволнованная). Казалось, не дождусь. И вотъ уже. Какъ мнѣ васъ благодарить, хорошіе вы люди, никогда бы мнѣ одной этого не сдѣлать.

Петрова. О чемъ говорить—сдѣлано, и съ плечъ долой. Катя, ну что это вы, право...

Катя (плачетъ). Я немного, я такъ рѣдко, совсѣмъ не плачу... Я только отъ радости.. Отъ большой радости у меня всегда слезы... Я радуюсь, что осуществляется моя мечта, моя сказка,—не думала, что доживу.

Петрова. Катя, милая... (Новиковъ дергаетъ Петрову, чтобы она оставила, не утѣшала Катю).

Катя. Ничего, Нина Петровна, хорошо иногда поплакать (беретъ свою работу). Вотъ тутъ, въ этомъ проектѣ «школы людей», вся моя душа. Каждое слово ночами передумано. Вы должны слова превратить въ жизнь, въ правду. Я знаю, звѣрей можно превращать въ людей, можно бороться со страшной наслѣдственностью, изъ жизни творить чудо. Для этого надо одно: любить, любить всей полнотой человѣческаго сердца. Любите такъ мою школу, моихъ дѣтей.

Новиковъ (молча цѣлуетъ у Кати руки).

Левинъ. Не безпокойтесь, Катя, все будетъ какъ надо.

Петрова. Развѣ надо объ этомъ говорить? Катя, ну что вы, право!

Катя. Простите... Когда надъ чѣмъ дрожишь, хочется постоянно говорить. Я вамъ надоѣла, но не могу не повторять одного и того же постоянно. Вотъ и сейчасъ, опять скажу то же, что и вчера, что навѣрно скажу завтра. Тутъ психологія уходящаго: хочу, чтобы вы хорошо запомнили, никогда не забывали. (Всѣ окружаютъ Катю, выражаютъ ей заботу, ласку). Опять скажу: любите, жалѣйте мою мечту. Я вамъ оставляю много денегъ. Не жалѣйте ихъ, ищите смѣлыхъ талантливыхъ людей, покупайте ихъ трудъ и знанія, склоняйте ихъ развивать, дополнять нашу школу очеловѣчиванія людей. Не умирайте, не найдя себѣ замѣстителей, способныхъ отдаться нашему дѣлу такъ, какъ отдаетесь вы. Завѣщайте и имъ

не умирать безъ этого. Скажите имъ, что была Катя, которая... которая хотѣла *человѣчныхъ* людей, вѣрила, что царство такихъ людей когда-нибудь на землѣ будетъ! (Сильно кашляетъ).

Петровъ. Будетъ, Катя, будетъ!

Новиковъ (подаетъ Катѣ лѣкарство).

Катя (пьетъ и быстро цѣлуетъ Новикову руку). Спасибо, родной!

Новиковъ (вздрогнувъ отъ поцѣлуя). Богъ знаетъ, что вы дѣлаете...

Катя. Не буду, больше никогда не буду. Я давно подбиралась къ вашей рукѣ. Хотѣлось поцѣловать ее за все, за все.

Новиковъ (взволнованно гладитъ ей голову). Большое, своевольное дитя. Когда вы угомонитесь?

Катя. Только въ могилѣ, не иначе. Ну вотъ, порадовалась, наговорила вамъ чего не надо, теперь за дѣло.

Петрова. Прежде всего, покончимъ съ персоналомъ школы. Многіе къ намъ тянутся, надо выбрать.

Левинъ. Да, господа, Гаринъ рекомендуетъ очень подходящую педагогичку, она къ тому же серьезно изучала на мѣстахъ наши кустарныя производства. Отъ кустарей намъ кое-что взять надо.

Петрова. Непремѣнно. Трудъ во всевозможныхъ видахъ пусть будетъ у насъ, какъ можно шире.

Катя (киваетъ головой).

Новиковъ. А учителей музыки и пѣнія на выборъ—трое. И всѣ хороши, какъ тутъ быть?

Катя. Взять всѣхъ! (Всѣ смѣются). Пусть мои дѣти играютъ, поютъ, радуются какъ можно больше, какъ можно больше.

Петрова. Будутъ, будутъ. И все-таки одного учителя вполнѣ довольно.

Новиковъ. Но какъ быть?

Левинъ. Пусть тянутъ жребій.

Петрова. Самое лучшее; никому по крайней мѣрѣ не обидно.

Петръ (входя). Катерина Николаевна, что мнѣ дѣлать, одинъ господинъ не хочетъ уходить, требуетъ васъ видѣть. Говоритъ, пріѣзжій...

Нолинъ (отстранивъ Петра, рѣшительно входитъ). Извините, мнѣ надо видѣть мою дочь. Отца принять можно.

Катя. Ты напрасно, отецъ, не сказалъ ему. Меня сегодня нѣтъ дома только для посторонникъ... Друзья мои, подождите меня въ столовой, я сейчасъ. (Всѣ выходятъ. Новиковъ выразительно смотритъ на Катю. Она киваетъ ему головой, какъ бы успокаивая).

Нолинъ (очень постарѣвшій, пристально всматривается въ Катю). Ты извини, я не могъ не пріѣхать. Я, Катя, пришелъ...

Катя. Пришелъ тащить свою заблудшую дочь на путь истины. Какъ это ужасно, и ни къ чему: въ моей жизни ничего измѣнить нельзя. Будемъ опять толочься: ты въ своемъ, а я въ своемъ.

Нолинъ (загораясь). Нѣтъ, сегодня будетъ иначе. Я заставлю тебя прекратить твою и нашу пытку. Довольно, Катя! Ты вынудила насъ бросить родной городъ, домъ, друзей, все, все. Мы должны были бѣжать, прятаться отъ нашего несчастья. Ты причинила намъ много горя...

Катя. Всегда, всю жизнь о себѣ, только о себѣ—какъ вамъ не надоѣло? Я счастлива, что прожила мою жизнь иначе (сильно кашляетъ).

Нолинъ (вздрогнувъ). Ты нездорова, Катя...

Катя. У меня чахотка. Зачѣмъ ты пріѣхалъ? Развѣ можно меня, да еще теперь, переубѣдить? Не надо, отецъ, уйди, я конченная.

Нолинъ. Никто не имѣетъ права мѣшать мнѣ спасти мое дитя. Я, можетъ быть, былъ плохимъ отцомъ, но я не звѣрь безчувственный: я больше не могу. Я не могу, какъ твоя мать, взять тебя и вычеркнуть, похоронить. Ты для меня живая, и жалѣю я тебя... Ахъ, Катя, я не живу, а горю на медленномъ огнѣ. Твоя жизнь и днемъ и ночью

давитъ мою голову, грызетъ сердце. Я не могу тебя забыть. Я больше не могу этого допустить: я отецъ, я имѣю право вмѣшаться. Довольно, я пріѣхалъ кончить.

Катя. Нельзя кончать съ тѣмъ, чего ты не хочешь или не можешь понять. Я тебѣ, кажется, ясно все написала.

Нолинъ. Твои письма, твои идеи — сумасшедшій бредъ. Довольно, съ этимъ пора кончить. Я пріѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ оторвать тебя отъ безумія, увезти. Катя, не доводи меня до крайности, перестань себя мучить!

Катя. Я не мучаюсь, пойми, я счастлива, какъ никогда...

Нолинъ. Неправда, не можетъ этого быть! Я понимаю, можетъ закипѣть сердце, но чтобы человѣкъ самъ себя терзалъ, пилъ по каплѣ свою же собственную кровь, радовался своей агоніи— это чудовищно. Тебѣ пора пощадить себя, ѣдемъ сейчасъ, немедленно, вонъ отсюда!

Катя. Никуда я не поѣду, не надо, перестань, отецъ! Дни мои сочтены, я еле успѣваю закончить мои дѣла. Прости, я не могу терять ни времени, ни силъ. Господи, когда ты поймешь и перестанешь меня мучить? Похорони меня, забудь, я плохая дочь. Прощай!

Нолинъ (кричитъ). Ты поѣдешь со мной се-

годня. Я поклялся кончить эту пытку: если не ѣдешь, я убью тебя (вынимаетъ изъ кармана револьверъ). Такъ будетъ лучше. Я рѣшился. Я увезу тебя отсюда такъ или иначе. Я отецъ!

Катя (выпрямляясь, съ загорѣвшимся лицомъ). Вотъ какъ! Вотъ! куда завело право отца!

Нолинъ. И мои, не забывай, мои за тебя муки!

Катя (открываетъ ящикъ стола). Твоя родительская любовь, твои муки, твоя борьба со мною обошлись и тебѣ, и мнѣ не дешево. Надо, правда, кончить. Ты, какъ отецъ и человѣкъ, сказалъ свое послѣднее слово. Теперь я скажу мое: каждый имѣетъ право прожить свою жизнь, какъ считаетъ нужнымъ. Я остаюсь здѣсь, буду жить, какъ нахожу нужнымъ. А отъ насилія... (вынимаетъ изъ ящика стола револьверъ) я буду защищаться. Мнѣ жизнь нужна, никто не имѣетъ права у меня мою жизнь отнять—никто!

Нолинъ (опѣшилъ). Ты... Ты будешь стрѣлять въ меня?

Катя. Да, буду!

Нолинъ. Въ отца?

Катя. Я буду защищать мою жизнь и отъ отца!

Нолинъ (потрясенный, роняетъ револьверъ). Ты... Ты чудовище! (Задыхаясь, рветъ на себѣ

воротникъ). Подлѣ тебя нельзя дышать (ловитъ руками воздухъ. Катя бросается поддержать его. Нолинъ съ ужасомъ отшатывается). Не подходи, не прикасайся ко мнѣ, чудовище! (Падаетъ, потерявъ сознаніе).

Занавѣсъ.

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

(Спальня Кати. Горитъ ночникъ. Видно, что здѣсь лежитъ тяжело больной. Сквозь спущенныя шторы пробивается утренній свѣтъ. У постели спящей Кати сидитъ Нолинъ, тяжело опустивъ голову).

Катя (въ полуснѣ). Наташу, позовите Наташу! Я обѣщала ей... пора (кашляетъ).

Нолинъ (вздрагиваетъ и прислушивается къ ея словамъ).

Катя. Да, да, пора (просыпается). Отецъ, ты опять со мной, опять не спалъ. Тебѣ надо хорошенько выспаться, у тебя плохой видъ.

Нолинъ. Ничего, высплюсь, и пройдетъ (подаетъ ей лѣкарство).

Катя. А какъ съ Наташей?

Нолинъ. Ночью была телеграмма, пріѣзжаетъ сегодня утромъ.

Катя. Да?—Вотъ отлично! Мнѣ ее очень надо видѣть (входитъ сестра милосердія).

Сестра (поднимая шторы). Доброе утро, Екатерина Николаевна!—Вы, кажется, сегодня молодцомъ: спали прекрасно и мало кашляли.

Катя. Очень хорошо спала и чувствую себя какъ-то особенно и легко, легко...

Сестра. Вотъ и славу Богу! Сейчасъ узнаемъ, какъ ведетъ себя ваша температура (ставитъ термометръ).

Катя. Отецъ, поди сюда! (Нолинъ подходитъ. Катя беретъ его руку и ласково прижимаетъ къ себѣ). Теперь иди спать, видишь, мнѣ лучше, совсѣмъ хорошо.

Нолинъ. Вижу. Теперь и я пойду—да, да, навѣрно, буду спать (цѣлуетъ ей голову). Ты не безпокойся.

Катя. Какъ хорошо, что мы съ тобой теперь друзья, настоящіе друзья! А помнишь?

Нолинъ (гладитъ ей голову). А кто обѣщалъ не вспоминать?

Катя (заглядывая ему въ лицо). А моихъ дѣтей ты будешь такъ гладить? будешь и ихъ любить? Очень прошу тебя, когда меня не будетъ, ходи къ нимъ, пожалуйста, почаще и приласкай ихъ за меня. Такъ и скажи имъ: мама-Катя ушла, но у васъ есть зато дѣдушка. Такъ и скажи имъ, прошу тебя. О, они очень будутъ тебя любить, будутъ подставлять тебѣ свои головки, а ты гладь, гладь.. Помни, это мои дѣти.

Нолинъ (стараясь скрыть волненіе). Я помню,

будетъ все, какъ ты просишь. А теперь я пойду (уходитъ).

Катя. Смотри, хорошо выспись!.. Сестра, мнѣ сегодня удивительно хорошо! Знаете, какъ послѣ бури затишье... Много я бурлила, сильно бурлила, а теперь пора и отдохнуть, крѣпко, по-настоящему. Я не боюсь смерти, она нужна; въ смерти есть свой тайный, великій смыслъ: въ ней отдыхъ и снова жизнь... О, о, какъ хорошо!.. Кто тамъ поетъ? Боже мой, какой пріятный и знакомый, знакомый мотивъ!.. Гриша, спой еще (очнулась). Скажите, развѣ Наташа не пріѣхала?

Сестра (смотритъ на часы). Поѣздъ приходитъ въ восемь съ минутами. Семенъ Ивановичъ давно уѣхалъ на вокзалъ. Скоро пріѣдутъ (вынимаетъ термометръ и записываетъ). Да вы, правда, сегодня молодцомъ, температура совсѣмъ приличная.

Катя. Сестра, когда пріѣдетъ Наташа, пускай идетъ ко мнѣ.

Сестра. Хорошо, хорошо (горничная просовывается въ дверь и киваетъ сестрѣ. Сестра подходитъ, та даетъ ей букетъ подснѣжниковъ и что-то шепчетъ).

Катя. Сестра, кто тамъ?

Сестра (подавая цвѣты). Вотъ вамъ букетъ и посланіе.

Катя. Подснѣжники, мои любимые! Прочтите, сестра.

Сестра (разворачиваетъ записку и читаетъ). «Шлемъ тебѣ, мама-Катя, первые цвѣты—ты только посмотри, сколько ихъ въ паркѣ!—И первую зелененькую травку. Скорѣй поправляйся и приходи. Скучаемъ по тебѣ очень. Скажи, чтобы насъ опять къ тебѣ пустили. Мы будемъ совсѣмъ тихо, тихо сидѣть. Мы связали тебѣ коврикъ голубой, съ бѣлыми кисточками. А мальчики сдѣлали скамеечку тебѣ подъ ноги и выжгли на ней твои буквы. Мы всѣ умные. Маруся больше не дерется, а Вася не говоритъ неправду... Это вѣрно».

Катя (беретъ отъ сестры письмо и тихо, радостно смѣется). А подписей сколько, Господи! Гляньте, вмѣсто имени какія-то смѣшныя закорючки... Это подписи моихъ дѣтей (нюхаетъ цвѣты). Первые весенніе цвѣты, они особенно пахнутъ.

Сестра (приводитъ въ порядокъ комнату). А на дворѣ сегодня просто чудо, тепло, солнечно. За ночь стаялъ послѣдній снѣгъ, пробивается зелень. Очень ранняя въ этомъ году весна.

Катя. Мнѣ кажется, Наташа уже здѣсь. Пожалуйста, пойдите посмотрите.

Сестра. Только бы не волновались, не хорошо вамъ.

Катя. Наташа здѣсь, я чувствую.

Новиковъ (входя). Ну, какъ мы поживаемъ? (Здороваясь, задерживаетъ Катину руку и считаетъ пульсъ).

Катя. Здравствуйте, мой другъ! (Радостно кричитъ). Наташа, входи!

Новиковъ. Те, те, какъ мы себя ведемъ.

Катя. Довольно, довольно, грозный дядя докторъ (протягиваетъ руки къ входящей Наташѣ. Она опять въ гримѣ пожилой дамы). А я-то тебя жду, жду, моя старушка!

Наташа. Вотъ и я. Здравствуй, Катя!

Катя. Вотъ и ты, во-время поспѣла. Смотри (кашляетъ и смѣется), ты думала увидѣть несчастную умирающую—анъ, нѣтъ! Я, правда, догораю, пѣсня моя вся спѣта, но я не несчастна (радостно смѣется). Совсѣмъ напротивъ, я хорошо, хорошо догораю.

Новиковъ. Что моя буйная пацiентка пила, ѣла?

Сестра. Сейчасъ несутъ.

Катя. И для Наташи дайте сюда. Я тебя не отпущу, будемъ пить и разговаривать.

Наташа. Успѣемъ... Я думаю у тебя погостить.

Катя. Почемъ знать... Семенъ Ивановичъ, мнѣ сегодня удивительно хорошо, легко, замѣчаете?

Новиковъ. Какже, какже.

Катя. Мнѣ кажется, я вся сіяю. Мнѣ кажется, что моя грудь полна какого-то яркаго, яркаго свѣта, и онъ просвѣчивается..

Сестра (улыбается). Это вродѣ кузнечика.

Катя (машетъ на сестру). Молчите, не говорите имъ про кузнечика—засмѣютъ.

Сестра. Не буду, не буду!

Наташа. Ты сама намъ разскажешь. (Сестра отворачивается, чтобы скрыть улыбку).

Катя. Сестра, вы чего отвернулись? Опять смѣетесь?

Сестра (сдерживая смѣхъ). Что подѣлаешь, какъ вспомню вашего кузнечика... нѣтъ, лучше уйду.

Катя (тихо во слѣдъ ей смѣется). А! Божья коровка разсердилась, ножкою топнула...

Сестра (смѣется въ передникъ). Ну васъ совсѣмъ... (уходитъ).

Катя. Славная дѣвушка наша сестра... Знаете, друзья мои, а вѣдь я скоро, скоро уйду отъ васъ туда, домой. Погостила у васъ, побурлила, пора и честь знать. Не огорчайтесь, не горюйте,— мнѣ кажется, вѣчной смерти нѣтъ (тихо смѣется). Погодите, мы еще съ вами встрѣтимся... Ахъ,

какъ хорошо, пріятно уснуть крѣпко, крѣпко... И проснуться, напримѣръ, кукушкой. Люблю кукушку... Какъ хорошо, когда лѣтомъ въ рощѣ раздается звонкое: ку-ку! ку-ку! ку-ку! Скажите, что и за лѣто безъ кукушки, правда?

Наташа. Катя, все такая же (гладитъ ей руку). Послѣдніе годы, въ постоянной работѣ, волненіяхъ, я не замѣчала природы. А сегодня, подъѣзжая сюда, увидѣла поле, небо, солнце, и дрогнуло все во мнѣ, точно родного, близкаго увидала (горничная вноситъ подносъ).

Катя. Это всегда такъ. Тебѣ чего, Наташа?

Наташа. Лежи, не безпокойся, сама возьму.

Катя (беря отъ горничной свою чашку). Семенъ Ивановичъ, мнѣ надо съ Наташей поговорить, разрѣшите? (Горничная уходитъ).

Новиковъ. А развѣ вы меня, мой другъ, когда слушались?

Катя (улыбаясь). Никогда!

Новиковъ. Ну вотъ, выходитъ, я тутъ и ни причемъ. Говорите, только не бурлите очень.

Катя. Для меня не бурлить—значитъ не жить. Наташа, я все такая же неразумная, сумасбродная голова. Господинъ докторъ, я постараюсь вести себя прилично.

Новиковъ. Я вамъ тогда поставлю хорошую отмѣтку (уходитъ).

Катя. Наташа, Наташа, со мною что-то не обычайное сегодня, меня точно качаетъ на волнахъ. Сердце ждетъ чего-то, трепещетъ, радуется. Точно въ большой, великій праздникъ. Въ груди легко, хочется говорить, пѣть, кричать!

Наташа. Я рада, что тебѣ лучше.

Катя. Ты видѣла отца? Какая-это была для меня радость!.. Подумай, Наташа: самъ пришелъ, все простилъ, все!

Наташа. Твой отецъ поразилъ меня,—этого я отъ него не ожидала. Онъ сталъ совсѣмъ другой. Сейчасъ онъ меня очень растрогалъ...

Катя. Правда, узнать нельзя? Люди загадочны, не знаешь, что изъ каждаго въ слѣдующій моментъ выскочитъ: звѣрь или Богъ. Мы помирились, многое онъ теперь иначе понимаетъ, видитъ, чего не замѣчалъ. А мать не пришла. Онъ умолялъ ее простить, притти, а она не пришла. Я вижу, отецъ не вернется къ своей женѣ, перестанъ уважать ее за черствое сердце.

Наташа. У твоей матери много всякой всячины сидитъ въ крови. Она изъ тѣхъ, кто своимъ не поступается никогда.

Катя. Такъ, такъ. По моему убѣжденію, женщины много виноваты въ нашей гадкой, волчьей жизни.

Наташа (улыбаясь). Слава Богу, виноватый

найденъ—ты начинаешь, конечно, съ прародительницы Евы?

Катя. Ахъ, эти женщины: такія тупыя, трусливыя, жадныя. Ничего я съ ними не могла подѣлать, ничего. Какъ онѣ живутъ, какъ на мужчинъ вліяютъ? Ради глупой, прихотливой, гадкой жизни скорѣй развиваютъ у мужчинъ волчьи инстинкты. У женщины есть сила, она ею можетъ укрощать, облагораживать, вести за собой любимаго человѣка. Куда, куда ведутъ наши женщины своихъ мужчинъ?—Въ спальни, только спальни! Гадкія, ничтожныя наши женщины—таковы у нихъ и дѣти. Не удивительно, что онѣ родятъ, воспитываютъ изъ своихъ сыновей своихъ притѣснителей, враговъ и насильниковъ. Нѣтъ у насъ настоящихъ матерей человѣчества, больше пятой заповѣдью пробавляемся.

Наташа. Да, вѣками изъ женщинъ культивировали рабынь для теремовъ, глупыхъ, невѣжественныхъ самокъ, вколачивали въ нихъ тряпичные идеалы. Это не скоро вытравишь изъ крови. Что получили—тѣмъ и живы.

Катя. Доколѣ же, доколѣ?

Наташа. Ты очень нетерпѣливая и скорая. Постой, распутаются, поучатся уму-разуму, завоюютъ «права человѣка».

Катя. Наташа, отчего у меня такъ болитъ

душа за людей—не могу я ихъ такими принять, не могу. Хочу, чтобъ были настоящими (тихо смѣется). Тебѣ Семенъ Ивановичъ говорилъ, какой кутерьмы я здѣсь натворила?

Наташа (торопливо). Да, да, говорилъ.

Катя. Ты не смѣялась?

(Наташа молчитъ).

Катя. А я вотъ безъ смѣха не могу вспомнить. И «мои подвиги» больше всего убѣждаютъ меня въ силѣ женщинъ и ихъ преступномъ бездѣйствіи. При всей ихъ опутанности, только захоти, и, мнѣ кажется, женщины могли бы перевернуть все вверхъ тормашками. Надо только перестать быть рабынями своей шкуры, паспорта и пола. Женщина должна этого добиться, это ея святой долгъ. Тогда мужья и дѣти у нея будутъ другіе. Ахъ, Наташа, я столько насмотрѣлась всего, столько хотѣлось тебѣ разсказать, и, вижу—говорю не то, краски исчезли... Вотъ, вотъ, опять качаетъ... Что-то у меня сегодня странное съ головой, мысли путаются. Что я хотѣла сказать еще?

Наташа. Ты отдохни, тебѣ такъ много говорить не слѣдуетъ.

Катя. Постой, вспомнила: какъ меня огорчилъ Гриша. Я хотѣла его видѣть, умоляла простить, придти. Онъ не пришелъ, презираетъ меня

(сильно кашляетъ). Какъ это жалко, какъ грустно! Опять качаетъ...

Наташа. Катя, дорогая моя, не знаю, какъ мнѣ съ тобой быть: и слушать тебя хочу и боюсь, не будетъ ли тебѣ вредно. Отдохни, потомъ еще поговоримъ.

Катя. Я не устала. Напротивъ, у меня большой приливъ энергіи. Сегодня у меня особенный день, совсѣмъ не страдаю и тебя вижу. Я много мучила тебя, Наташа! Ты добрая, а Гриша не можетъ простить.

Наташа. Кто старое помнитъ, тому что? Будемъ говорить лучше о настоящемъ. Очень мнѣ нравится твоя идея «школы людей». Много въ ней вѣрнаго, нужнаго, и рядомъ... Ты неисправимая утопистка, Катя!

Катя. О, да, все такъ же вѣрю въ то, что вамъ, разумнымъ, кажется безумнымъ или смѣшнымъ. Вѣрю, что каждая человѣческая душа можетъ творить чудеса... не только гадости и звѣрства. Надо только силу и охоту. Наша школа будетъ помогать эту силу, эту охоту найти. Чудесное теперь чуть теплится въ человѣческихъ душахъ, надо его освободить, раздуть; чудесное разгорится, перебросится отъ души въ душу, своей красотой, правдой, величіемъ покоритъ, очаруетъ

всѣхъ, всѣхъ... И жизнь людей на землѣ станетъ чудесной сказкой!

Наташа. А ужасамъ, нелѣпости, звѣрству придетъ конецъ. Милая Катя, а я все больше и больше убѣждаюсь, что этому никогда конца не будетъ, никогда!

Катя. А твой единственный, вѣрный путь—политика, развѣ не спасетъ уже людей?

Наташа. Этотъ путь портятъ, искажаютъ, проституируютъ сами же люди. Катя, что у насъ дѣлается!

Катя. Знаю. Только, Наташа, надо въ себя, въ свое вѣритъ до конца, до самой смерти!

Наташа. Мнѣ не надо объ этомъ говорить: я вѣрю и не измѣню своему никогда. А въ людяхъ начинаю сомнѣваться. Я, Катя, многое пережила...

Катя. Ты мнѣ все разскажешь. Да, вотъ еще что, выдвинь ящикъ стола правый: сбоку пакетъ съ твоимъ именемъ. Возьми, это на твоихъ несчастныхъ. Не хорошо добыты эти деньги, правда, но они очистились моими муками. Я, Наташа, не всегда могла быть сильной, не всегда твердо выносила требованія моей души: если бы я не старалась заглушить мой крикъ, если бы я дала ему волю, мнѣ кажется, отъ него содрогнулся бы весь міръ.

Наташа (опускается на колѣни и молча обнимаетъ Катю).

Катя. И все-таки я не жалѣю о томъ, что сдѣлала, какъ свою жизнь прожила. Я, правда, сознательно пошла на пытку, сама себя дѣйствительно распяла—о, съ какимъ усердіемъ мнѣ люди подавали гвозди, и я сама въ себя ихъ вколачивала. Не могла иначе, въ этомъ я вылила все негодованіе, всю муку, весь протестъ моей возмущенной души.

Наташа. Катя, Катя, безумная, святая!..

Катя. Наташа, я только человѣкъ. Да, да, среди волковъ должны появиться люди и силой, которой нѣтъ предѣла, назвать которую теперь нѣтъ настоящихъ словъ, этой силой они избавятъ человѣчество отъ звѣрства и дадутъ людямъ дѣйствительныхъ людей. Возможно, я изъ ихъ породы. Вотъ почему я вамъ кажусь такой необычайной, странной...

Сестра (просовывается въ дверь и киваетъ Наташѣ на лѣкарство).

Наташа (подаетъ Катѣ лѣкарство). Теперь я тебѣ разскажу кое-что о себѣ. Ты отдохни и меня послушай. Ты помнишь Сомова...

Катя. Погоди, я тебѣ еще о главномъ не говорила, о моихъ дѣтяхъ. Боже мой, у меня все дрожитъ отъ радости при одномъ словѣ—дѣти...

Имъ будетъ хорошо. Дома ихъ среди зелени: деревья, кусты заглядываютъ прямо въ окна. Небо открыто со всѣхъ сторонъ... у нихъ имѣется и поле, кусокъ лѣса, рѣчка... Я имъ нашла нужныхъ людей, они помогутъ имъ выйти въ люди, они сберегутъ и дѣтей моихъ научатъ беречь мою каплю. Нѣтъ, Наташа, люди на землѣ еще есть... Опять качаетъ... Мысли путаются. Я устала, отдохнуть пора.

Наташа. Отдохни, Катя, засни! Тебѣ не слѣдовало много говорить.

Катя. Я тебѣ ничего не сказала. Погоди, я разскажу тебѣ подробно о моей «школѣ людей», покажу тебѣ моихъ дѣтокъ. Хотѣла показать Гришѣ, а онъ ненавидитъ...

Наташа (украдкой вытираетъ слезы). Да да, ты мнѣ твоихъ дѣтей покажешь.

Катя. Ты ихъ полюбишь, они славныя (ослабѣвшимъ голосомъ). Дѣти, дѣти мои, я все сдѣлала, чтобы вамъ было у меня хорошо, по-человѣчески... Погодите, и жмурки... и сказка... все будетъ. Вотъ только отдохну немного... отдохну немного. (Катя засыпаетъ. Наташа сидитъ грустно опустивъ голову).

Сонъ Кати.

(На сценѣ становится темно, потомъ постепенно вверху свѣтлѣетъ. Слышны приближающіеся веселые дѣтскіе голоса. Открывается лужайка, вся въ зелени и цвѣтахъ. На лужайкѣ дѣти играютъ въ жмурки. Среди нихъ Катя веселая, здоровая, жизнерадостная. Мальчикъ съ завязанными глазами ловитъ. Его поддразниваютъ. Онъ поймалъ Катю. Бурная радость, ликованіе дѣтей).

Мальчикъ. Мама-Катя, наконецъ-то ты попалась!

Катя. Попалась—такъ попалась, ничего не подѣлаешь, надо жмуриться (Завязываютъ ей глаза). Ну, мои ребятки, берегитесь: словлю, какъ прошлый разъ, трехъ сразу (Дѣти визжатъ, хлопаютъ въ ладоши. Игра начинается. Катю дразнятъ вѣтками, дергаютъ за платье и ловко увиливаютъ отъ нея).

Катя (поправляя повязку). Ишь, безсовѣстные, какъ туго завязали.

Дѣвочка. Не хитри, мама-Катя; смотрите, она сдвигаетъ повязку.

Мальчикъ. Эге, мама-Катя, мы начинаемъ плутовать?

Катя. Неправда, я честный человѣкъ.

Дѣвочка. Знаемъ, знаемъ, какъ тебѣ удалось прошлый разъ словить «трехъ сразу».

Катя. А вы чего уши развѣсили—на то игра; сами виноваты.

Мальчикъ. Ну-да, когда ты ихъ заговорила. Они забылись, а ты цапъ-царапъ и воспользовалась.

Катя. Такъ и надо—не зѣвай. Что-то ты, братецъ, больно много разговариваешь—смотри, какъ бы не влетѣлъ (смѣется).

Мальчикъ. Не безпокойся, мы наше дѣло знаемъ (ловко ускальзываетъ изъ-подъ самыхъ ея рукъ).

Катя. Чуть не поймала...

Мальчикъ. Чуть не считается.

Катя (дѣлаетъ прыжокъ и ловитъ двухъ). Славный уловъ. (Дѣти смѣются, апплодируютъ:—браво,—браво,—браво, мама-Катя).

Катя (опускаясь на траву). Ой, вы меня сегодня замучили. Не могу больше. Дайте передышку. (Ее окружаютъ дѣти—кто сидя, кто лежа).

Дѣвочка. И мы устали.

Мальчики. И намъ не лишне отдохнуть.

Маленькая дѣвочка (устраиваясь на колѣняхъ у Кати). А теперь, мама-Катя, сказку. Пожалуйста, дорогая, сказку. (Дѣти кричатъ:—Сказку! — Сказку! — Мы просимъ! — Нашу любимую, про волковъ).

Катя. Погодите, отдохнуть надо.

Нѣсколько голосовъ: Ну, хорошо,—отдыхай.—Мы подождемъ (притихли и ждутъ).

Катя. (черезъ нѣкоторое время). Давнымъ давно живутъ на свѣтѣ люди. Людей природа надѣлила: красотой, умомъ, чуткой душой и горячимъ, добрымъ сердцемъ. Люди царили на землѣ и были гордостью природы. А въ лѣсахъ, таясь въ логовищахъ, ненавидя свѣтъ, боясь другъ друга, жили жадные, злые, безобразные волки. И стали волки завидовать прекраснымъ качествамъ людей и задались цѣлью людей испортить. Какъ это имъ удалось—никто не знаетъ. Но у людей стали расти волчьи зубы, на рукахъ волчьи когти, въ глазахъ людей загорѣлся недобрый, жадный, волчій взглядъ. Стали люди грызть, травить, съѣдать друга друга. И полилася кровь, и раздалися стоны и скрежетъ яростный безжалостныхъ зубовъ. Волчій вой покрылъ всю землю. И вотъ, съ тѣхъ поръ, люди тѣснятъ, грызутъ, душатъ другъ друга. Но такъ нельзя, нельзя. Люди должны вернуть себѣ свой обликъ, душу человѣка, должны прогнать волковъ. Дѣти мои, если кто изъ васъ станетъ обижать другого—знайте, сидитъ въ недобромъ волкъ. Кто вынудитъ другого плакать—тотъ гадкій волкъ. Кто станетъ злиться, лгать, завидовать другому—тотъ настоящій волкъ. Теперь сознайтесь смѣло, прямо—въ комъ изъ васъ сидитъ противный волкъ? Намъ надо его выгнать: не долженъ волкъ портить моихъ ре-

бятъ. Пожалуйте, сейчасъ провѣримъ. (Дѣти шумно вскакиваютъ и кричатъ:—Нѣтъ, не во мнѣ!—Не я волкъ—нѣтъ!.. Не я... Не я!.. Мы не хотимъ!!.. Прогонимъ волка!.. Волка у насъ нѣтъ!)

Катя. Погодите, погодите; сейчасъ узнаемъ. Пожалуйте-ка по порядку... Иди, Маруся, покажи мнѣ твои зубки.

Маруся (подходя). Нѣтъ, мама-Катя, я уже не волкъ. Больше ни съ кѣмъ не ссорюсь и Павлика не обижаю... я человѣкъ.

Катя (обращаясь къ остальнымъ). Правду она говоритъ?

Дѣти (въ одинъ голосъ). Да... да. Она больше не волкъ. Съ тѣхъ поръ, какъ ты сказала шутя, что у Маруси растетъ волчій хвостикъ—она стала добрѣй... Ни съ кѣмъ больше не ссорится.

Маруся. Неправда, я не изъ-за хвостика стала лучше, неправда.

Катя. А почему, Маруся?

Маруся. Не хочу тебя огорчать, хочу быть человѣкомъ (чуть не плача). Да, вотъ почему.

Катя. Ну, иди ко мнѣ, иди мой маленькій человѣкъ. (Дѣвочка бросается Катѣ на шею. Она ее ласкаетъ). Такъ у насъ правда, нѣтъ ни зубовъ, ни хвостика волчьяго? (Всѣ смѣются). Это хорошо. Теперь дальше... (На поляну выходитъ Гриша).

Катя (вскакиваетъ и бросается къ нему). Гриша, и ты пришелъ.—Значитъ, простилъ?..

Гриша. Да, Катя, все простилъ.

Катя. Какъ я рада! Идемъ,—смотри, сколько у меня дѣтей. Это еще не всѣ. (Дѣти ее окружаютъ, она ихъ ласкаетъ). Они мои, всѣ мои, Гриша. Знаешь, я собираю сиротъ и даю имъ мать: изъ меня вышла не дурная мать—вотъ увидишь. Гриша, я сдѣлаю изъ нихъ людей, да, да, я знаю какъ. Понимаешь, Гриша, людей!

Гриша. Я пришелъ тебѣ въ этомъ помочь.

Катя. Наконецъ-то! Я такъ ждала тебя. Вотъ хорошо. Ты имъ тоже будешь говорить о небѣ, о звѣздахъ,—хорошо, хорошо, какъ, помнишь говорилъ мнѣ.

Гриша. Такъ точно, Катя. Я буду ихъ любить, какъ ты.

Катя. Гриша, ты со мной—въ моей семьѣ?.. Въ моей «школѣ людей»?—Какое счастье! Боже, какое счастье!.. (Сонъ исчезаетъ. Сцена темна. Потомъ постепенно внизу свѣтлѣетъ. Опять комната Кати. Подлѣ постели больной, положивъ голову на кровать, съ убитымъ видомъ стоитъ на колѣняхъ Нолинъ. Наташа, Новиковъ, сестра милосердія стоятъ, опустивъ головы, предъ умершей Катей).

Занавѣсъ.